

**ИЕНСКАЯ РЕАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

ЧАСТЬ II
ЛЕКЦИИ 1805—1806 гг.

РАЗДЕЛ II
ИЕНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ДУХА

- I. Субъективный дух
 - [а. Интеллект]
 - b. Воля
- II. Действительный дух
 - a. [Бытие в признанности]
 - b. Договор
 - c. Преступление и наказание
 - d. Закон, имеющий силу
- III. Конституция
 - A. Сословия, или природа духа, расчленяющего себя в себе самом
 - 1. Низшие сословия и настроения
 - 2. Сословие всеобщности
 - [B] Правительство, уверенный в самом себе дух природы
 - C. Искусство, религия и наука
 - Синтетическая связь государства и церкви

I. СУБЪЕКТИВНЫЙ ДУХ

a) Интеллект

В духе пребывание предмета, его *пространство* есть *бытие*; оно есть абстрактное, чистое понятие пребывания. Я и вещь суть в пространстве*; оно полагается

* Вниманию вообще. Изъятие отдельного пункта, различение для духа.

как существенно отличное от своего содержания; оно не есть сущность самого своего наполнения. Оно есть лишь формально всеобщее, отделенное от своего особенного. Но пребывание духа есть пребывание истинно *всеобщее*; оно содержит само особенное. *Вещь есть*, она не есть *в бытии*, а она сама *есть*.

Вот что непосредственно есть *сущность созерцания*: знание некоего *сущего*. Но дух есть это сущее, опосредующее само себя. Лишь снимая, он есть то, что он есть *непосредственно*, но отступая от этого; или же в нем следует рассмотреть движение — как *сущее* становится* для него всеобщим или как он делает сущее таковым, полагает сущее в качестве того, что оно есть. Бытие есть форма непосредственности; но оно должно быть положено в его истине.

а) Как вообще созерцающий тон, что для него есть некое *бытие*, он есть непосредственное; но, изнутри этой непосредственности возвращаясь в себя, он есть для себя. Он полагает себя свободным от этой непосредственности, прежде всего отдаленным от нее. Он, подобно животному, есть *время*, которое есть для себя, а также свобода времени, этот чистый субъект, свободный от своего содержания, но также и *господин* над ним, — таковыми не являются время и пространство, лишенные самости. Он отступает от этого бытия и полагает его в себе как *не-сущее*, как вообще снятое. Таким образом, он есть *представляющая способность воображения вообще*. Он есть самость по отношению к самому себе. *Сам он есть сначала созерцание*; он противопоставляет себе эту самость — не *предмет*; но созерцание его есть для него предмет, то есть содержание восприятия как *его* содержание. В созерцании созерцаемое *есть* во мне, ибо созерцаю-то *я*; это *мое* созерцание. Дух выходит изнутри этого созерцания и созерцает *свое* созерцание, то есть предмет как *свой* предмет, когда предмет снят как *сущий*: образ. В созерцании дух *есть* образ. Для себя как сознания он есть некое *бытие*, отделенное от *Я*, но для нас — един-

* Как он полагает *вещь*.

ство обоих *. Так — для самого духа. Он есть *в себе и для себя*. В созерцании он есть еще только *в себе*. Он дополняет это *〈бытием〉* для-себя, негативностью, отделением *〈бытия〉* в-себе и возвращается в себя, и его первая самость есть для него предмет: образ, *бытие*, как мое бытие, как снятое.

а) *Ночь-хранительница*. Этот образ принадлежит *духу*, его простой самости; но у простого нет различия, так и здесь: он *〈образ〉* есть в нем как неразличенном. Дух владеет им, он господин над ним. Образ хранится в его *сокровищнице*, в его *ночи*. Он *〈образ〉* не осознан, то есть не извлечен и не поставлен перед представлением как предмет. Человек есть эта ночь, это пустое ничто, которое содержит все в своей простоте, богатство бесконечно многих представлений, образов, из которых ни один не приходит ему на ум, или же которые не представляются ему налично. Это — ночь, внутреннее природы, здесь существующее — *чистая самость*. В фантазмагорических представлениях — кругом ночь; то появляется вдруг окровавленная голова, то какая-то белая фигура, которые так же внезапно исчезают. Эта ночь видна, если заглянуть человеку в глаза — в глубь ночи, которая становится *страшной*; навстречу тебе нависает мировая ночь.

б) *Сила, которая извлекает образы из этой ночи или погружает их в нее: самополагание, внутреннее сознание, делание, раздвоение*. Сущее ушло в эту ночь; но и движение этой силы тоже положено.

а) Образ есть нечто многостороннее; в нем форма выступает как определенность и благодаря этому [имеются] другие определения, вообще множественность. Я есть форма не только как простая самость, но как движение, *отношение* частей образа — форма; полагание *отношения* как отношения своего. Поскольку

* а) На полях: подобно животному, он есть в себе произвольное движение, свобода, самость времени и пространства, произвольно полагает содержание здесь или там в пространстве и времени. Время, пространство есть внешнее отношение; это внешнее *отношение* как *форму* он снимает. б) *Бытие*; оно принадлежит собственно Я, как таковому, не времени и пространству.

она <форма> составляет часть содержания, она изменяет эту связь. Для себя здесь — свободный произвол: разрывать образы и сочетать их самым непринужденным образом*. Если при его извлечении образов наружу идти согласно *воспринятому* отношению, то Я подчинено так называемой *ассоциации идей* — английское слово, так как англичане до сих пор называют простой образ — собаки, например, — *идеей*. Законы этой ассоциации идей — не что иное, как пассивный порядок представлений; *одновременно* увиденное и воспроизводится совместно и т. д. Этот произвол — пустая свобода, ибо ее содержание есть еще нечто иное; произвол здесь заключается лишь в форме и затрагивает только ее.

β) Тем самым предмет вообще получил форму, определение быть *моим*, и, как вновь *созерцаемое*, его бытие имеет уже значение не чистого бытия, но — *моего бытия*: он мне уже *знаком*, или я *вспоминаю* его, или я имею в нем непосредственно сознание *моего [Я]*. В непосредственном созерцании я имел лишь сознание его; но если он мне знаком, он становится для меня <предметом> с таким неперменным определением. Мы вспоминаем о чем-нибудь и благодаря чему-то иному; в нас вносится только образ предмета; воспоминание добавляет момент для-себя-бытия**. Я однажды это уже *видел* или *слышал*; я *вспоминаю*; я вижу, слышу не просто предмет, а двигаюсь *при этом* внутри себя; *вспоминаю* — *изнутри себя*, извлекаю себя из простого образа и полагаю себя *в себе*. Я полагаю себя, особо, предметом.

γ) Это для-меня-бытие, которое я *добавляю* к предмету, есть та ночь, та самость, куда я его <предмет> погрузил, будучи извлеченным оттуда, оно само есть для меня предмет, а что передо мной, есть *синтез* того и другого: *содержание* и Я***. Но именно в этом *сам* внешний предмет снят, <стал> другим, чем он есть. Он

* Совершенно иное движение, чем движение во времени и пространстве, свободное от этого сущего движения.

** Для-меня-бытие поверхностно привязано к созерцанию.

*** Его бытие есть *внутреннее*, определенное как для-меня-бытие.

покорился господству самости, потерял свое значение быть непосредственно, самостоятельно. Не только произошел синтез, но бытие предмета снято. Следовательно, предмет не *есть* то, что он есть. Содержание не свободно от своего *бытия*. Бытие есть *самость*. Содержание есть его простая сущность вообще; оно есть нечто другое, чем его *бытие*. Оно значимо как другое в *целом*, у него другая *сущность*, самость, другое значение, или, иначе, оно значимо как знак. В знаке *для-себя-бытие* есть предмет как *сущность* предмета, предмет выступает как снятый по своей тотальности, по своему содержанию. Его содержание не имеет уже свободной, собственной ценности; его бытие есть *Я* сам — идеализм, который становится предметом для себя. Вещь не *есть* то, что она *есть*; то же бытие есть самость. Мое *для-меня-бытие* есть предмет как *сущность* вещи, в воспоминании связано с ней лишь синтетически, внешне. *Я* само есть здесь предмет как *внутреннее* вещи. Это внутреннее вещи еще отделено от ее бытия; всеобщность или вещь еще не положена как *вещь*. Что я вещь созерцаю лишь как знак, а сущность ее — как *Я*, как значение, как рефлексию в себе, — это равным образом есть *предмет*, внутреннее, которое само *налично*. Только теперь есть *непосредственное* внутреннее, оно тоже должно вступить в наличное бытие, стать предметом, напротив, внутреннее должно быть внешним: возвращение к *бытию*. Это есть *язык* как именующая сила *. Способность воображения есть лишь пустая, дающая форму, означающая, полагающая форму как внутреннее, а язык есть сила, полагающая внутреннее как *сущее*. Теперь перед нами истинное *бытие* духа как духа вообще. Оно *наличествует* как единство двух свободных самостей и [есть] наличное бытие, сообразное со своим понятием. Оно также непосредственно снимает себя, затихает, но *уже* *услышано*. Сначала язык говорит только этой самостью — *значением* вещи, дает ей имя и высказывает имя как *бытие* предмета. [На вопрос:] «Что это?» мы отвечаем: *это* лев,

* Память, творческая сила.

осел и т. д., это *есть*, то есть это отнюдь не есть нечто желтое, с ногами и т. д., нечто свое, самостоятельное, — но *имя*, *звук* моего голоса, нечто совершенно иное, чем оно есть в созерцании, и это — его истинное *бытие*. [Затем мы думаем так:] это только *имя*, а сама вещь есть нечто совершенно другое, то есть мы или снова впадаем тут в *чувственное представление*, или [мы думаем, что] это *только* имя, в более высоком значении, так как имя само есть еще только очень поверхностное *духовное бытие*. Таким образом, через имя предмет рожден изнутри *Я* как *сущий*. Это — первая *творческая* сила духа. Адам дал имя всем вещам. Это право высшей власти и первое вступление во владение целой природой или творение ее изнутри духа. Logos [есть] разум, *сущность* вещей и речи, *вещь* и *вещание*, категория. Человек глаголет вещи как вещи *свои* и живет в духовной природе, в своем мире, и это есть *бытие* предмета. Дух относится к себе самому; он говорит ослу: ты *есть* нечто внутреннее, и это внутреннее есть *Я*, а твое бытие есть звук, который я изобрел произвольно. *Осел* есть звук, который есть нечто совершенно иное, нежели само чувственное бытие. Коль скоро мы его видим, чувствуем или слышим, мы сами есмь это, мы непосредственно одно с этим, мы наполнены [этим]. Но коль скоро <он> отступает, как имя он есть нечто духовное, нечто совершенно иное.

Мир, природа уже не есть царство *образов*, внутренне снятых, у которых нет бытия, — но есть царство *имен*. Прежнее царство образов — это *грезящий* дух, который имеет дело с содержанием: содержание это не есть ни реальность, ни наличное бытие. Его <духа> пробуждение есть *царство имен*. Здесь одновременно и разделение: дух <выступает> как сознание. Только теперь его образ — истина. И грезящий понимает так, но это неистинно. Грезящий не может отличить себя от бодрствующего, а бодрствующий отличает себя от грезящего по тому, что истинно, что есть для него. Это — истинно; не налично уже не только его *бытие-для-себя*, предмет [в] образе; но χ замкнутого для-себя бытия — одновременно *форма бытия*; оно *есть*.

Собственно, лишь в имени *созерцание*, животное, пространство и время преодолено*. Созерцаемое растворилось, его целостность — как бы *простая атмосфера: запах***, простая индивидуальность, поднятая из <глубины> путем чувства до высшего духовного смысла, индивидуальность, действительность вообще; но она только *первая*, без собственного исполнения***, или же непосредственная. У имени еще иное значение, нежели что имя есть****. У предмета в знаке — иное значение, нежели что предмет *есть*. *Внутреннее* имени, [его] значение, напротив, есть чувственно-сущее. Его содержание должно отождествиться с ним самим, с его простой сущей духовностью.

Дух уходит в себя из этого *бытия* имени или его именование есть для него предмет как царство, как некая множественность имен. Они суть *простое*, замкнутое в себе; многосторонность образа стерта, скрыта в этой самости. Способность воображения извлекает предмет вместе с его множественностью, вместе со всем его ближайшим окружением; а имя одиноко без *отношения* и сопряжения***** — не несущий себя ряд, ибо нет определенности, то есть самого отношения в нем самом к иному.

Одно только Я***** есть носитель, пространство, субстанция этих имен; оно есть их *порядок* или

* Граница возвращена в себя, отрезана.

** Как в чувстве [даны] ощущение и тепло, так и запах; *бытие* и *знак* — снятое бытие.

*** *Первая действительность* и поэтому единичность.

**** Другое значение основано на том, что имя есть *единичность*, неразвитая еще в себе самой: оно есть *вот это бытие* образа; оно есть через *определенность* — определенность [есть] *несовершенное* единство бытия и для-себя-бытия, единство со *своей противоположностью*, возвратившейся в единичность.

***** Вырезает кусок пространства, прерывает, отрицает непрерывность пространства — но ассоциация идей...

***** а) Я противостоит *множеству* имен; их *единичное* содержание чуждо, но их определенность есть Я, и их единичность *проста*.

б) Против <имен> стоит Я, [Я] есть их простота, их сущность; они соотнесены друг с другом через Я, через их сущность. Только Я есть *необходимость* того, что в себе самом есть *противоположность* самого себя. Своим *бытием* они теперь имеют Я, ибо они *просты*.

отношение их как совершенно *безразличных* друг к другу. У них нет в себе ни соподчинения, [ни] отношения. Я должно теперь созерцать себя как такое упорядочивающее или созерцать их как упорядоченные и утверждать этот порядок, чтобы он был порядком постоянным.

Сперва оно (Я) *владеет* именами, оно должно *удерживать* их в своей ноци как подчиненных, которые повинуются ему; и так оно должно не только вообще созерцать имена, но созерцать их в своем пространстве как *прочный* порядок, ибо оно есть их отношение и необходимость, есть *в-себе-сущее* отношение различных. Оно (Я) переходит [теперь] к тому, что творит *содержание* из самого себя. Его содержание суть *безразличные* имена, но в их безразличии как многих самость не <выступает> как негативное, какова она по истине. Негативное во многих есть отношение каждого через самого себя к другому. Это отношение оно утверждает в своих именах, как таковых, вообще утверждает имена в необходимости, которая еще не есть положенная *в них* необходимость, а есть лишь твердый *порядок**. Это есть, собственно, *память*, рассудок, имеющий себя еще в своем предмете как предмет. Память хранит имя вообще, это свободное, произвольное сочетание вот этого образа (значения) и вот этого *имени*, так что при <появлении> образа в нем налично имя, а при <появлении> имени наличен образ. Но выше освобождение

у) Каким образом *становится* теперь эта их необходимость или их упорочение, так что Я становится их *бытием*, или Я, которое есть их *сущность*, становится их бытием? Ибо бытие есть *прочное*, предметное; Я есть форма чистого беспокойства, движения или почти исчезновения. Или: Я в имени есть *сущее* (*всеобщее*), непосредственное; теперь, через опосредование, оно должно стать собою благодаря себе. Его беспокойство должно стать тем самым *самоупрочением*, должно стать движением, снимающим себя как беспокойство, как чистое движение. Это [есть] *труд*. Его *беспокойство* становится *предметом* как упрочившаяся множественность, как порядок. Беспокойство становится *порядком* именно потому, что оно становится предметом.

* В имени Я есть непосредственная *единичность*, самополагание как единичность делает себя необходимостью, но пустой необходимостью, как когда мы говорим «судьба» [и] не знаем ее закона, ее содержания, чего она хочет.

отношения от этого разнородного так, что имена относятся лишь к именам (*молния*, гром, *сходство* с чувственным явлением), но свободные имена не [соотносятся] друг с другом. *Я* есть сила этого свободного *порядка*, еще не положенного как необходимый *порядок*, но *порядка* *. Оно есть свободный носитель, свободный беспредметный порядок. Оно есть первое *Я*, постигающее самое себя как силу. Оно есть необходимость, свободная от представления, есть сам порядок, фиксирующий и фиксированный. Упражнение памяти есть поэтому первый *труд* пробудившегося духа как духа. Давать, изобретать имена есть *непосредственный* изобретающий произвол. В *памяти* сначала исчезает этот произвол **; *Я* пришло к *бытию*. Имя есть упроченный знак, остающееся отношение, [поэтому] отношение всеобщее. *Я* отказалось от своего *произвола* в своем *бытии*, положило себя как всеобщее. Поэтому тут вообще [есть] порядок, необходимое отношение. Но [это отношение] есть еще внутренний или даже случайный порядок, произвольная необходимость, ибо ее стороны еще не положены, не положены *в себе самих*. Он <порядок> есть лишь необходимость вообще, то есть случайная.

Утверждение такого отношения имени и имен есть *занятие*, *лишенное материала*, и движение самого духа. Он <дух> уже не сочетает чувственные, сущие представления по произволу или [так], что только воспроизводит их, как они суть, — пассивное, совершенно произвольное связывание, — но он есть *свободная сила* и утверждает себя как такую свободную силу. Труд одновременно [в том], что *Я* делает себя самого тем, что оно есть как дающее *имена*, а именно *вещью*, *сущим*. *Я* есть имя, и есть некая вещь. *Я* делает себя *вещью*, фиксируя в себе порядок имен. Оно фиксирует его <порядок> *в себе*, то есть оно делает себя самого

* Уничтожение произвола, пустой единичности. Это до сих пор была единичность (в имени) в себе, теперь она связана — не материал, за пределы которого она может выйти, причем оставаясь в себе — в противоположность материалу — так, чувственному сознанию, — пустое самому себе как самости, в этой пустоте...

** Снятие самого себя, направленное на себя.

этим лишенным мысли порядком, у которого лишь видимость порядка; в *видимости порядка* заложено Я, необходимость, самость сторон. Но стороны еще суть чисто безразличное. Оно (Я) может сделать себя вещью лишь как память, поскольку вещь, которой оно себя делает, в себе есть Я. Оно теперь выступает как деятельное — делающее движение предметом своим, каковое оно само непосредственно есть в давании имен. (Для-себя воспоминания есть теперь его делание, <направленное> на себя), порождение самого себя, отрицание самого себя. Если имя рассматривается как предмет, на который [направлено] его делание, оно снимает само себя*.

Этот труд есть поэтому первое внутреннее действие [направленное] на себя самого, вполне *нечувственное* занятие и начало свободного возвышения духа, ибо он имеет здесь предметом себя — гораздо более высокий труд, чем ребяческие занятия внешними, чувственными или нарисованными картинами, растениями, животными: огромные морды, желтые гривы, длинные хвосты и пр.; это видение, *внимание*, есть первая необходимая деятельность, точное видение, деятельность духа, *фиксирование*, абстрагирование, вычленение, усилие, преодоление неопределенности ощущения. Но делание не выходит изнутри самого себя**.

* Этот труд есть повторение одного и того же (труда); в этом состоит его тяжесть. Я отрекается от своего свободного произвола, [от] своего выхода за пределы определенного; повторение есть *полагание тождества*, бытия, удерживание в себе как тождественном. Это повторение *известного*, где больше нет ни интереса к делу, ни наслаждения находить себя в другом, не именованное, а чистое *нечувственное* занятие — утверждение абстракции, себя как пустого пространства — в нем фиксировать звезды — чистое фиксирование.

а) Чистая, *освобожденная деятельность*, повторение β) без объективности; должностующие быть упроченными <моментами> еще безразличны.

** α) Наименование [есть] всеобщее этой сферы. β) Деятельность, *для-себя-бытие*, память: внутренняя действительность.

γ) *В-себе-бытие* и *для-себя-бытие*. Я рефликтирует на свое делание, то есть рефликтирует себя за ее пределы и делает его для себя предметом. Ближайший результат — это что мы знаем что-то наружно, но еще не *внутренне*. Я [еще] есть *бытие*, вполне незавершенный внешний продукт. Целое есть α) прочное отношение, положенное посредством Я, и отношение это

Это занятие самым собой и есть именно созидание самого себя, *обратное* по сравнению с тем <занятием>, которое *вещь* делает *Я*. Утверждать порядок — *мысль* собственного содержания *Я*. Не в именах у *Я* есть содержание как <содержание> *Я*, но в *форме*, в порядке; но <в форме> прочной, произвольной, случайной; [она] <форма> есть внешность, вещьность. *Я* знаю что-либо наизусть, я сделал себя неким *безразличным* порядком. *Я* есмь порядок. Отношение, делание; но оно произвольно; *Я* поэтому сделалось *вещью*.

Эта направленность на имя имеет, следовательно, противоположное значение, а именно то, что направленность на *Я* положена, снятие его [*Я*] как для-себя-сущего, то есть произвольного, делающего. Положена *всеобщность* с равной ценностью, с равным образом снятым бытием деятельного *Я* и предмета: *Я*, ставшее

прочное, ибо оно есть посредством того же. Оно есть необходимость: *память* <Gedächtnis> есть становление *мысли* <Gedanke>, становление нечувственного предмета, то есть а) такого, какой не есть уже образ, б) в каком уничтожена *единичность* имени. Собственный труд, делание есть *единичность*, порядок есть *равным образом* *самость*. *Я* для себя предмет, но как множественность, ибо его делание есть движение, различение; оно само есть порядок и порядок различий, которые суть его различия, остающиеся заключенными в него — *вещь*, *момент* (так — *в себе* или для нас). Это *мыслящее* созерцание или созерцающее мышление. Это не безразличные имена, но моменты, деление в самом *Я*, произведенное трудом. Оно имеет этот продукт предметом, и сначала предметом *непосредственным*. Это постигающий рассудок, *рассудочная* необходимость, объяснение, поиски причины действия. Чувственное определено как действие и т. п., или для *Я* оно есть то, чем было в имени для нас. Вещь имеет как *сущность* для *Я* нечто иное, нежели что она *есть*. Это только знак, но его значение не случайно, а есть его *сущность*, ибо оно есть *всеобщее*. *Я* созерцает эту категорию; оно постигает. Что оно *понимает*, есть сама [суть] вещи, но не *поскольку* оно понимает или [есть] форма самости; однако оно понимает [суть] *вещи* (содержание вещи удвояно). — *Рассудок*: а) Отношение противоположных понятий, б) их единство, *основа*; они имеют свою субстанцию в *бытии*. Основа есть снятое *бытие*.

А. Распределение. Предмет есть *вещь*, *Я* есть *самость*, субстанция [.] единство противоположных определений, которые оно <*Я*> распределяет между несколькими субстратами.

В. В мышлении субстанции сама вещь становится этой *самостью*; субстанция и свойство, акциденция. В причине и

предметом. В имени <оно> [стало] только *бытием*, которому противостоит для-себя-бытие, или имя еще произвольно, единично — *вещь, рассудок, необходимость* — *вещь* как *простая* всеобщность, *необходимость* как самодвижение. У вещи *необходимость* есть в себе, так как у нее есть в себе *самость Я*. Различие в вещи есть различие в самости, то есть [это —] в самом себе *негативное* отношение. Понимание, усмотрение есть различие — не в вещи, но вещи по отношению к рассудку, который собственно сюда не принадлежит, но есть опыт сознания *.

Я, таким образом, деятельно по отношению к *вещи* или всеобщему, как таковому, то есть положено движение всеобщности. Различие его [есть] *оно* как от себя различенное; *оно* [есть] всеобщее, которому оно само

действию оба <этих момента> объединены и выступают как одуховленные вещи; но их *сущность* — одуховление. *Деятельность* умирает в продукте; самостоятельность [есть] чистая форма причины.

Рассудок α) соотнесен с *вещью*, так что форма *бытия* в последней есть для него. Одно, многое, причина и т. д. [есть] отношение их как различных друг относительно друга *одуховленных* <моментов>. Абстракция, или понятие, имеет *субстанцию в бытии*. Понятия вступают в такое *отношение*, вещь еще не есть в себе самой вещь успокоенная, единство противоположных определений.

Но эти одуховленные определения *гибнут* в простой нейтральности, всеобщность [становится] *основанием*; становится основание. Теперь основание для *Я* — *всеобщее* как таковое; оно <*Я*> знает себя как рассудок; оно говорит об *определенных* *понятиях* как о своих и β) [оно] *судит* <urteilt>, есть движение определенного понятия. *Единичность* и *всеобщность* различны и противоположны.

α) *Умозаключение*. Следовательно, на первый взгляд они равны лишь в третьем. Связка есть *Я*, оно несет ее; сначала оно пустое. Но каково это третье? β) Это не чистая связка $A = A$, пустое тождество; часто полагают, что она абсолютна — иначе не было бы равенства *одних и тех же* <моментов>; γ) но [она] содержит *оба* этих момента; равным образом их равенство, как и их противоположность, есть *Я*; δ) они оба то же самое [как *сущие*], и каждое равно другому в том, в чем оно ему противоположно; или оно противоположно ему в том, в чем оно равно ему. Различие и равенство — одно и то же. Им остается пустая форма *бытия*, которую они давно уже потеряли.

* *Рассудок; суждение, умозаключение.*

противопоставлено, как содержащаяся в нем негативность. Сама негативность в форме всеобщности есть *единичность*. Оба *⟨момента⟩* совершенно безразличны друг к другу, так как каждое есть всеобщее или *отношение-к-самому-себе*. Но крайние *⟨термины⟩* так же соотнесены друг с другом; они *тождественны*, в безразличии или всеобщности, соотнесены *в себе*, но друг для друга, ибо каждое есть само то, что оно есть, лишь в противоположности к другому*, скрывая *всеобщее* как *негативность* в своей простоте. Но единичное как негативное есть негативное, исключаящее другое, не-негативное, всеобщее. Оба относятся к себе или суть всеобщие, но в то же время лишь *одно* всеобщее; оба суть негативное другого, но в то же время лишь *одно* негативное. Одно, *⟨единичное⟩* *вовнутрь*, в отношении к себе — всеобщее, к себе самому, ибо оно исключает именно *другое*, свое бытие вовне — и оно негативно по отношению к этому другому. Но другое, *всеобщее*, — *внутренне* негативно, оно содержит негативность *внутри себя*, но есть *всеобщее* вовне**. Тем самым каждое имеет то, что оно есть *внутри*, также и вне себя как другое. Или *в-себе* каждого, то, что оно есть не *для другого*, есть *другое*, то есть то, что для него есть. Они суть противоположность самих себя, они сами *⟨суть⟩* это движение этого инобытия, *самоотнесения*; именно отношение есть противоположность их безразличия, которое они имеют в суждении. Их *бытие вовнутрь* отлично от их бытия *вовне*; [оба,] следовательно, в себе раздвоены, себя снимают. Бытие *вовнутрь* есть в себе и для себя; но именно это (например, негативность) есть его иное или всеобщее. Всеобщее есть *самому себе равное*. Оно, таким образом, есть н[егативно]сть, ибо таковая есть его внутреннее. Оно, и единичность, и

* *Основа* стала благодаря этому движению.

** Память [есть] полагание необходимости вообще:

а) Понятие: понимание необходимого, лишь противоположно. Основа есть *Я*; таким образом, *Я* полагает себя в

б) суждении: полагание безразличия обоих, *несоотнесенное бытие как определенно пон[ятое]*.

γ) *⟨Умо⟩*заклучение — единство обоих, так что каждое само является этим единством противоположности и безразличия.

всеобщность, [его] противоположность — неравенство, <нетождественность>, его истинное бытие [есть] его *бытие* вовне, то есть лишь в соотношении, а не в себе и для себя. Их всеобщность поэтому имеет в то же время значение *бытия*. Они так равны самим себе, что именно то, что они суть *в себе*, распадается на *два* безразличных <момента>. Всеобщность, как таковая, лишь *едина*, а бытие есть именно реальность или пребывание как <пребывание> многих.

Они, следовательно, *оба* суть *всеобщие*, а только одно всеобщее. Они суть *сущие*, а это *бытие* точно так же неравно, <нетождественно>; одно бытие есть внутреннее, в-себе другого, и они негативны. Их единство а) само есть другое, нежели обе крайности <крайние термины>, так как они противоположны <друг другу>; но б) их противоположность *такова, что именно в том, в чем они противоположны друг другу, они равны <тождественны> друг другу* (и наоборот, их *противоположность* есть нечто другое, чем они, чем их равенство <тождество> самим себе). Но именно в своем единстве и в своей противоположности они соотнесены друг с другом, поскольку оба они другие, нежели сами они, середина их <средний термин> соотносит их. Тем самым положено их *умозаключение*; поскольку они противоположны, они едины в некоем третьем; а поскольку они равны, их противоположность, разрывающая их, тоже есть нечто третье.

Это третье, однако, таково, что оно есть все то, что <и> они. Оно есть всеобщность, негативность и, так как суть многие всеобщие, их бытие. Всеобщность же такая, что она непосредственно равна себе и противоположна себе, разорвана на себя и свою противоположность; равным образом и негативность, и простое бытие есть непосредственно многое. Это *единство* противоположностей, себя в самом себе движущее всеобщее, которое раздваивается на сущие <моменты>, каковые суть противоположности, и которые благодаря этому суть чистая негативность. Рассудок есть *разум*, а его противоположность есть *само Я*. Главное, что вещьность, поскольку она есть *всеобщность*, также непосредственно представляет себя как *бытие* и положена

как негативность или единство*. Вещность, представленная как *сущее*, переходит из *суждения* в *〈умо〉закключение*; отношение через противоположность есть нечто другое, третье; но каждое *опосредовано* через третье с другим; отдельное — по своему *соотнесению себя с самим собой* — *в-себе, не здесь* (не наличествует); рассудок — его *в-себе*. Равным образом всеобщее не налично как негативность — она есть его *в-себе*, так же и рассудок, ибо [он] есть *〈свое〉 в себе*. Он есть [а] *внутреннее* каждого; но б) [он] также есть *внешнее* каждого, ибо как негативность он есть *внешнее, наличное бытие* отдельного, а как всеобщее он есть *внешнее, наличное бытие* всеобщего. Он есть γ) также *бытие* (многих), ибо содержит их как безразличные. Он, таким образом, есть это чистое движение всеобщности, которая есть *〈свое〉 в себе* и *наличное бытие* отличенных от нее *〈моментов〉*. Он есть *разум*, который есть *предмет* для самого себя. Разум есть *〈умо〉закключение* в своей бесконечности, которое раздваивается на крайние *〈термины〉*, а последние непосредственно тем, что они *суть*, имеют своим в себе другое**.

* Или что *единичность*, содержание языка становится как чисто негативная *единичность*; становится *предметом*, как таковым.

а) Они *суть иное, чем Я*; что такое их *бытие*? Они *суть в себе самих*, потом другие...

б) Единичное и всеобщее, но это различие как раз таково, что в том, в чем они различены, в том же они равны, то есть они не *суть другие*, нежели что *Я*.

** Единичность [есть] *непосредственное, негативное единство безразличия и противоположности* — действительность; *Я* [есть] *вся действительность*.

Движение чистых категорий *〈имеет〉* становление [сущего] в форме вещи своей основой, или: основа имеет своим *внутренним* сущее как движение. Наоборот, в движении *умозакключения* *основа* идет к *бытию*, поскольку такое движение возвращается к *простому*, не негативному равенству всех моментов; но [это бытие есть] *тотальность, действительность как прозрачная игра всех сторон. Противоположность* (предмет), крайние *〈термины〉* — *реальны*, таковы, что именно это составляет их исполнившееся *бытие*, — что они *противоположны* в том, в чем они равны, — отталкивание одноименного, — и наоборот. Таким образом, само *бытие* есть это чистое движение. *〈Умо〉закключение* [есть] *единство противоположности, как таковой; опосредствование* есть само *непосредственное единство*.

Интеллект *〈Intelligenz〉*, таким образом, не имеет больше в качестве своего содержания другой предмет, но она постигла *себя* и есть свой предмет. *Вещь*, всеобщее для интеллекта, есть такое, какое она *〈оно〉* есть *в себе*: снятое бытие, причем позитивно или как *Я*. Интеллект *действителен*, есть возможность действия. Предмет есть *в себе* то, что он есть, — и потому он может быть снят, — но *для себя* он еще не был деятельным: *для себя*, то есть чтобы он *〈интеллект〉* — уже созерцал изменение как *себя* или делание как самость — изменение, предметный *minus* такового, как самое себя.

Этот интеллект *свободен*, но его свобода, напротив, лишена того *содержания*, ценой которого, через потерю которого он как раз и освободил себя. Его движение есть противоположное: он осуществляет себя* не путем внутренней восприимчивости *〈Intussuszeption〉*, а путем порождения [содержания], и именно такого содержания, в котором он имеет сознание своего *делания*, то есть сознает себя как полагание содержания или как делание-себя-содержанием. В теоретическом [это] и в образе, [в] воспоминании, [в] себе самом, но не как содержание, а как форма, или же само *Я* не есть *основа*, *всеобщее*, на что нанесены определение, различения.

в) Воля**

А. Волящее волит, то есть оно хочет положить себя, сделать *себя* предметом. Оно *свободно*, но эта свобода есть *пустота*, формальное, дурное. Волящее заключено

* *Форма и содержание*, пустая предметность, *всеобщность*.

** Обзор интеллекта: *вещность* рассудка есть *свет*; разум есть вслушивание, слышание.

Интеллект: предмет [имеет] форму абстрактного *бытия*, есть *для нас* то, что есть *в себе*. Движение к *Я* посредством полагания *Я*, поскольку бытие *в себе* есть всеобщее, в духе, для нас также в понятии; причем это *для Я* — будучи противопоставленным — оно есть самость, причем для него [*Я*] или же его самополагание; сначала даже только *формальное полагание*.

В понимании *〈умо〉*заключение *в себе*; внутреннее — *Я* — еще не отделено от этого.

в себе или есть *〈умо〉заключение* в себе самом. а) Оно есть *всеобщее, цель*; б) [оно] есть единичное, самость, деятельность, действительность; в) оно есть *средина 〈средний термин〉* того и другого, *побуждение*. Побуждение есть *двустороннее*, имеющее содержание, есть всеобщее, *〈побуждение〉* есть цель и деятельная самость таковой, — первое есть *основание*, второе — *форма*.

а) * Каково *определенное содержание* побуждения, здесь еще не может быть указано, ибо оно еще не определено. Оно не имеет еще никакого *〈содержания〉*, ибо здесь положено лишь понятие воли. Какие побуждения имеет Я, это вытекает лишь из содержания его мира; таковой и составляют его побуждения.

б) Определенный способ, каким это *〈умо〉заключение* положено в Я, таков, что все *моменты* его заключены в *самости как всеобщем*, или же *шаре*, так что оно *теперь* есть *целое*, а его противоположность лишь пустая форма для самосознания. Сила его умозаключения, его воли и состоит в том, что, поскольку оно обнаруживает одну сторону, оно в ней взято в себя, а потому не выставляет наружу такую определенность, в которой его можно было бы постигнуть. Это *pattes de velour*, *〈бархатные лапы〉*, которые по отношению к другому являются когтями, но, когда тот другой защищается от них, он хватается за скользкий бархат, за который невозможно ухватиться. *〈Умо〉заключение*, таким образом, является в этом целостностью и именно поэтому неприступно.

в) (это в себе округленное *〈умо〉заключение*** одновременно обращено вовне, или, иначе, есть

а) Побуждение имеет собственное *содержание*, налично [сущую] цель.

〈Умо〉заключение: *магнит* во всяком крайнем *〈положении〉*; Я *судит*, б) рефлектирует внутрь себя, исходя из крайних *〈терминов〉*.

* Первое разделение *〈умо〉заключения*, *безразличие* крайних *〈терминов〉*: во всем самость, неп[осредственная] деятельность есть *его* деятельность.

** а) Полагание *〈умо〉заключения* в его крайних *〈терминах〉*, так что они опосредованы другим. Единичность противостоит цели.

подлинное *сознание*, которое, однако, рассматривается здесь как заключенное в *Я*). Именнo воля есть *для-себя-бытие*, погасившее в себе всякое чуждое, сущее содержание. Но благодаря этому оно *〈для-себя-бытие〉* лишено иного, лишено содержания, и ощущает этот *недостаток* — недостаток, ибо это *〈умо〉*заключение есть *〈умо〉*заключение непосредственное, первое, следовательно, *〈предполагается〉* безразличие крайних *〈терминов〉*, но это недостаток, который равным образом и позитивен. (Недостаток есть *цель*; *форма*, что он есть лишь цель, есть недостающее *бытие*. *Бытие*, как таковое, стало именно *формой*). Итак, негативное, исключющее заложено в самой воле, так что она *〈воля〉* в нем направлена лишь на самое себя, есть *исключенное* из себя, цель противостоит самости, единичность, действительность — всеобщему. *Чувство* недостатка есть а) вышеположенное единство обоих *〈моментов〉* в побуждении, [β] как чувство, как недостаток противоположности. *〈Умо〉*заключение есть лишь первое; всеобщее объединено с единичностью через побуждение. Крайние *〈термины〉* имеют форму безразличного бытия друг для друга, полагание *первой* реальности, которая несовершенна.

В. Удовлетворение побуждения* есть второе *〈умо〉*заключение. а) Удовлетворение есть [удовлетворение] побуждения, не *вожделения*; последнее — животное, то есть у этого предмета абстрактная форма собственного *бытия*, *внешности*; и только так он есть для самости; соединение *〈их〉* есть поэтому и чистое исчезновение. Но здесь бытие есть только форма, то есть *Я*, как целое, есть побуждение. *Я* отделяет побуждение и делает его для себя предметом, который, таким образом, не является *пустой сытостью*, *простым самочувствием*, которое теряется в *вожделении*** и восстанавли-

* Полагание в стихии *всеобщности* — безразличие — *бытие*; ибо истина в том, чтобы не быть заключенной внутри *Я* — *Я* внутренне напряжено.

** *Внешнее* самосознание, *бытие*, и *вожделение* — абстрактное *для-себя-бытие* — *животное* — или же не единичное удовлетворение, а всеобщее. *Вожделение* есть момент, *для-себя-бытие*, именнo *〈умо〉*заключение, включенное внутри самости.

ливается снова в его удовлетворении; а то, что здесь исчезает, есть чистая форма безразличия крайних *⟨терминов⟩* побуждения, иначе говоря, *⟨исчезает⟩* цель, содержание, которое противоположно единичности; и это исчезание безразличия как исчезание противоположности есть бытие, но бытие *исполнившееся*.

а) *Я* становится *созерцающим* благодаря непосредственности, становящейся через снятие противоположности (вообще *Я* всегда и везде таким образом переходит в созерцание и чувство).

б) Главное — содержание предмета. *Я* отделяет себя от своего побуждения, поэтому последнее получает другую форму; оно есть успокоенное, ставшее самим собой, исполнившееся побуждение. Недостаток был созерцанием *пустого Я*, ибо это последнее было для себя предметом — не внешним предметом, а *своим собственным* предметом как нечто различенное в себе; оно *⟨пустое Я⟩* связывало различные моменты *⟨умо⟩* заключения, было их безразличием, их пребыванием, а не бытием, как таковым. Это было первое непосредственное *Я*, но как таковое. Отделенное от *Я* побуждение освобождено из самости, или же простое исполнение *⟨побуждения⟩* удерживается *⟨в единстве⟩ бытием*. Дело, *⟨сделанное⟩ Я*; *Я* знает, что в нем *⟨в деле⟩* — его делание, то есть знает себя как *Я*, прежде бывшее во внутреннем, *⟨внутри⟩ бытия*, — знает себя как делание, — не как в воспоминании, но что *содержание*, как таковое, есть благодаря ему *⟨Я⟩*, ибо *различение*, как таковое, было его *⟨Я⟩ различием*. *Различение* составляет содержание, и *здесь все дело в том*, что *⟨Я⟩* положило *различение* изнутри себя, или же знает, что различение — это его различение. (Имя и вещь, как таковые, не суть различия *Я*, *⟨ибо⟩ Я просто*).

С. Определение предмета. Предмет есть, таким образом, содержание, различие, а именно содержание *⟨умо⟩* заключения, единичность и всеобщность и их середина *⟨средний термин⟩*. Но а) он [предмет есть] предмет *сущий*, непосредственный; его середина *⟨средний термин⟩* есть вещьность, мертвая всеобщность, *инобытие* и б) его крайние *⟨термины⟩* суть *особенность*, *определенность* и индивидуальность. Поскольку оно

есть другое, его деятельность есть деятельность *Я*; у него нет собственной; этот крайний <термин> падает вне его. Как вещьность он есть пассивность, сообщение этой деятельности, а как нечто текучее имеет ее в себе, но как чуждую. Другой его крайний <термин> есть противоположность (особенность) этого его бытия и деятельности. Он *пассивен*; он [есть] для иного, затрагивает <это> иное, вообще есть (кислота) нечто разлагающее. Это *его-бытие*, но одновременно деятельный образ <Gestalt> по отношению к нему, сообщение *другого*. Перевернутое отношение: с одной стороны, деятельность есть только нечто сообщенное, а оно <другое> — сообщение, чисто воспринимающее <начало>, с другой — он деятелен по отношению к другому *.

(Удовлетворенное побуждение есть *снятый труд Я*; это его предмет, который работает за него. Труд есть посястороннее делание-себя-вещью. Раздвоение *Я*, сущего как побуждение, есть это самое делание-себя-предметом. — Вождеделение должно все время начинать сначала, оно не приходит к отделению труда от себя. — Побуждение же есть единство *Я* как *Я* сделавшего[ся] вещью).

Просто деятельность есть *чистое* опосредование, движение; просто удовлетворение вождеделения есть чистое уничтожение предмета. Сам *труд*, как таковой, есть не только деятельность (кислота), но и рефлексированное в себе произведение наружу, односторонняя *форма содержания*; но здесь производит себя наружу побуждение; оно порождает сам *труд* [как] отдельный момент, оно удовлетворяется; побуждение же и вождеделение падают во *внешнее* сознание. [Внешнее сознание] есть *содержание* также и постольку, поскольку оно есть желаемое, и средство <удовлетворения> вождеделения,

* Игра этой деятельности, превращение его пассивности в активность.

Вещность есть его средостение, *простая* всеобщность, сила — его иное, вне его, только сообщенное [ему]; так как это чистый предмет, она — как нечто чуждое в нем — владеет в нем орудием.

Человек потому создает орудия, что он разумен, и это есть первое изъяснение его воли; эта воля [еще] абстрактная воля — народы горды своими орудиями.

определенная возможность такового <удовлетворения>. В орудии или в обработанной, сделанной плодородной пашне я владею *возможностью, содержанием* как содержанием *всеобщим*. Поэтому орудие, средство, превосходнее цели вожделения, цели единичной; орудие охватывает всякую единичность.

Но орудие не имеет еще деятельность в себе самом. Оно есть *косная* вещь, не возвращается в себя самого. Нужно еще, чтобы я работал с его помощью. Я поместил *хитрость* между мной и внешней вещностью, чтобы падить себя и покрыть ею свою определенность, а его <орудие> изнашивать. Я остается душой этого <умо>-заключения, в отношении к орудию оно остается деятельностью. Но я экономлю при этом только количественно, все равно натираю себе мозоли. Делание-меня-вещью еще необходимый момент; собственная деятельность побуждения еще не в вещи. Нужно вложить в орудие и собственную деятельность, чтобы сделать его самодеятельным. Это происходит таким образом, что: а) орудие — так переплелось линиями, нитями, его двусторонность используется, чтобы сделать так, что оно ушло в себя в этой *противоположности*. Пассивность превращается в деятельность, в упрочивающую совместность <деятельности>. б) Вообще собственная деятельность природы, эластичность часовой пружины, вода, ветер применяются так, чтобы в своем чувственном наличном бытии делать нечто совершенно иное *, чем они хотели бы делать, [так что] их слепое делание становится целесообразным, в противоположность им самим: разумное поведение природы, *законы* — в их внешнем *наличном бытии*. С *самой природой* ничего не случается; *единичные цели природного бытия* [становятся] неким *всеобщим*. Здесь побуждение вполне выступает из труда. Оно предоставляет природе мучиться, спокойно наблюдает и малым усилием управляет целым: *хитрость*. На *широкую* сторону мощи нападают острым концом хитрости. Для хитрости дело

* Реальность, *безразличие* крайних <терминов> умозаключения, которые направлены по отношению друг к другу, что это безразличие в себе самом...

чести* — так ухватить слепую силу, с одной стороны, чтобы повернуть последнюю против себя самой, напасть на нее, схватить ее как определенность, действовать против нее или принудить ее как движение возвратиться к самой себе, снять себя. Так человек есть судьба отдельного <индивида>.

Хитрость есть не что иное, как пронырливость. Самый откровенный поступок есть величайшая *хитрость* (мы должны брать ее в ее истине), а именно: благодаря своей открытости она заставляет другое обнаружить при свете дня, каково оно в себе и для себя, и именно этим уничтожать себя. [Хитрость — это] великое умение вынудить других быть такими, каковы они в себе и для себя, [вынести это] на свет сознания. Даже если они правы, они не умеют защищать свое право с помощью речи. Молчание [есть] дурная, низкая хитрость. [Таким образом,] по-настоящему [становится] хозяином [лишь] тот, кто достигает того, чтобы другое в своем делании вывернуло наизнанку самое себя.

Благодаря хитрости воля стала *женской* — направленное *наружу* побуждение есть как *хитрость* теоретическое *смотрение* <за происходящим> — *не знающее* устремление к *знанию*. [Налицо] две *силы*, два *характера*. Это *смотрение* за тем, как сущее снимает себя в себе самом, отлично от побуждения; *Я*, возвратившееся в себя из побуждения, и *Я*, знающее ничтожность этого бытия; что есть, напротив, напряженное в них.

Воля стала волей удвоенной, раздвоенной. Она определена; она есть *характер*. Один характер есть это напряжение, сила, противопоставляющая сущее, но сила слепая, не имеющая сознания о природе этого бытия; она есть открыто лежащее <на поверхности>, идущее напролом, изгоняющее и гонимое наружу. У мужчины вождество, побуждение; женское же побуждение скорее состоит в том, чтобы быть предметом побуждения,

* Отдельная курица — ее разумное наличное бытие в том, что ее кормят и поедают. Ветер, могучий поток, могучий мировой океан — покоренные, распаханые. Не делать перед ним реверансов — <это> жалкая чувствительность, которая держится за единичное.

дразнить, будить побуждение и давать ему удовлетвориться в нем [в женском]. Другое [есть] злое, в-себе-сущее, подземное, *знающее* о том, что <открыто> лежит при свете дня; оно смотрит за тем, как открытое губит само себя, или действует по отношению к нему так, что скорее подсовывает негативное его бытию, его самосохранению. Первое направлено как *сущее* против *сущего*, второе же разумным образом [направлено] как бытие [против чего-то такого], с чем оно не считается всерьез, как быку показывают плащ, на который он мчится и, не поражая его, сам бывает поражен. Воля раздвоила сама себя на два крайних <термина>, в одном из которых она целиком во всеобщем, как и в другом — единичном. Ее одинокое существование завершено*.

Эти крайние <термины> должны положить себя воедино, знание последнего — перейти в *познание*. Это движение <умо>заключения положено благодаря тому, что каждое в себе есть то, что есть другое. Единое, всеобщее есть единичность, знающая самость; равным образом единичное есть всеобщее, ибо оно есть соотношение [себя] с самим собой. Но оно должно стать *для нее*, или эта та-же-самость — знанием ее.

а) Побуждение приходит к созерцанию самого себя; оно возвратилось в себя в том <описанном> удовлетворении. Оно стало так же *знанием* того, что оно есть. *Простое* возвращение в себя, знание, есть настолько же и раздвоение [; в] <умо>заключении [есть] середина. Побуждение [выступает] *вне* себя, в другой простой *само-*

* *Первое* единство интеллекта и воли, то есть это два самостоятельных *Я* друг для друга. Первое <умо>заключение воли так изменилось, что *бытие* каждого крайнего <термина> получило значение *Я* (*Бытие* есть именно противоположность недостатка, но оно <бытие> есть сам *недостаток*, или же недостаток чувствуется, потому что *есть* крайние <термины>).

Но эти [оба] *Я*, которые составляют крайние <термины> <умо>заключения, еще не суть целое, тотальность, они противоположны друг другу, [коль скоро] одно есть внутреннее того, по отношению к чему другое — внешнее. Только безразличие тут снято, *Я*, для-себя-бытие, заняло место безразличия.

Вначале знание самостоятельного *Я*, о самостоятельном *Я*; поскольку они суть *Я*, для них равенство это в противоположности друг другу — знание.

сти и знает эту самость как самостоятельный крайний <термин>, равным образом знание знает свою сущность в другом — напряжение в побуждении, *самостоятельность* обоих. Одно равно <тождественно> самому себе в нем, обращено против другого. Другое замыкает в себе свое беспокойство, свою деятельность и ведет себя спокойно, как будто ничего не произошло. β) В-самих-себе-снятие обоих: каждое равно другому именно в том, в чем [оно] противоположно ему; или же *другое*, то, благодаря чему для него есть другое, есть оно само*.

Знание есть именно этот двойной смысл: каждое равно другому в том, в чем оно ему противопоставляется**. Его самоотличение от другого есть поэтому его самоотождествление с другим, и это есть *познание* именно в том, что оно само есть это знание, что для него самого *его* *противопоставление оборачивается тождеством*, или, другими словами, как оно созерцает себя в другом, так и знает теперь себя. Познать как раз и означает знать предметное в его предметности как самость: постигнутое содержание, понятие, которое есть предмет.

Это познание есть лишь *познание* характеров, или, иначе, оба еще не определили себя по отношению друг к другу как самость. Только *одно* есть знание в себе, а другое знание как деятельность, <направленная> вовне; и одно, <направленное> вовне, есть всеобщее, *закругленная* субстанция, другое <направлено> вовнутрь. Поэтому они суть лишь противоположные характеры, не знающие самих себя, но знающие себя с такой-то стороны в другом, а с *такой-то* — только себя в себе самом. Движение знания осуществляется поэтому в самом внутреннем, а не в предметном. В их *первом отношении* стороны напряжения уже распадаются; они сближаются, правда, с неопределенностью и боязливостью, но и с доверием, ибо каждая знает непосред-

* Именно тем, что каждое знает себя в другом, оно отказывается от самого себя: *любовь*.

** В форме знания они суть друг для друга; каждое самостоятельно, еще не познание того, в чем суть этого *иной* бытия. Они суть *в себе* одно и то же; это в-себе, переходящее в для-себя-бытие, есть их движение.

ственно себя в другой и движение есть лишь переворачивание, благодаря которому каждая узнает, что другая тоже знает себя в своем другом. Это переворачивание именно и состоит в том, что каждое, узнавая себя в другом, снимает себя, как нечто для-себя-сущее, как различенное, отказывается от своей самостоятельности; дразнить *<Reiz>* — значит самому приходить в возбуждение, то, что дразнит, означает нечто в-себе-неудовлетворенное, но такое, что его сущность — в другом. Это собственное снятие есть его *бытие-для-другого*, в которое оборачивается его *непосредственное* бытие. Это собственное его снятие становится для каждого в другом бытием-для-другого. Другое есть, следовательно, для меня, то есть оно знает себя во мне. Оно есть лишь бытие для другого, то есть оно — вне себя.

Это познание есть *любовь*. Оно есть движение *<умо>*заклучения, так что каждый крайний *<термин>* наполнен *Я*, и так непосредственно есть в другом. И лишь это бытие в другом отделяется от *Я* и становится для него предметом. Это стихия нравственности, но еще не сама нравственность. Это лишь предчувствие ее *.

Любовь становится также непосредственно предметной. В нее вступает движение. Будучи удовлетворенной, она есть единство крайних *<терминов>*, кото-

* Каждое [*Я*] [есть здесь] лишь как *определенная воля*, характер или *естественный* индивид; его несложившаяся естественная самость признача.

Двойное предугадывание идеала в действительности: возвышенное от непосредственного существования до него; идеал — *всеобщая самость*. Нисхождение из небесного мира в настоящее — ступень небесной лестницы, — что божественное есть в настоящем. Бог есть любовь — радость, ибо естественное признано.

Бог есть любовь, что он есть духовная *сущность*: великое познание, познание познания.

[Позднейшее добавление к тексту]: Высокая *рыцарская любовь* относится к мистическому сознанию, живущему в духовном мире как мире истинном, в мире, который приближается теперь к своей действительности; и в нем сознание ощущает этот духовный мир как присутствующий в настоящем. *Дружба* же есть только в общем деле и приходится на период становления нравственной сущности: смягчение Геркулевой доблести, Тезей и Пейритей, Орест и Пилад.

рое до этого было побуждением. Эта удовлетворенная любовь в отличие от самих характеров есть *третье*, порожденное*. Единство раздваивается на <моменты>, *безразличные* по отношению к середине <среднему термину>; они суть различные сущие**.

Удовлетворенная любовь сначала становится *предметной* для себя таким образом, что это третье есть *иное*, нежели сами крайние <термины>, или же любовь есть *иное*бытие, непосредственная *вещность*, в которой любовь познает себя не непосредственно, а существует ради другого (подобно тому, как орудие не содержит деятельности в себе самом); или оба познают свою взаимную любовь через взаимное услужение, посредством третьего, которое есть *вещь*. Это есть средство, именно средство любви; подобно тому как орудие есть сохраняющийся труд, так и это третье тоже есть нечто всеобщее; это длящаяся, сохраняющаяся возможность ее существования. Они *суть безразличные* крайние <термины>. Это бытие как бытие крайнего <термина> есть нечто исчезающее. Как середина <средний термин>, как единство оно есть всеобщее. Это — семейное владение как движение — *приобретение****. Только здесь впервые налицо *интерес* к приобретению, к *устойчивому обладанию* и ко всеобщей возможности наличного бытия. Только здесь выступает собственно само вождение, как таковое, а именно как разумное и, если угодно, освященное. Оно удовлетворяется благодаря совместному труду. Труд совершается не ради вождения как чего-то единичного, а всеобщим образом. Кто работает над этим, тот не потребляет именно это же, но оно присоединяется к совместному владению, а уже отсюда получают все. Это, как и орудие, есть все-

* Североамериканские дикари убивают своих родителей; мы делаем то же самое.

** Раздвоение любви на *сущие* крайние <термины>, середина которых выступает перед ними как абстрактное *бытие*, где каждое предъявляет свою любовь другому, себя же, [напротив, делает] *иное*бытием, *вещью*. Труд для другого, а также раз навсегда удовлетворение вождения. Вещь, [таким образом], приобретает значение любви.

*** У владения то значение, что некая вещь есть моя вещь, или же *Я* всеобщее, есть много таких *Я*. Это здесь налично.

общая возможность пользования и всеобщая действительность его. Это — непосредственное духовное владение.

У семейного достояния более высокий момент деятельности в себе, чем у орудия, ибо оба крайних [термина] наличествуют как самосознательные деятельности. Но у этого предмета еще нет в себе любви, а любовь существует в крайних <терминах>*. Познавание обоих характеров само не есть еще познающее познание. Сама любовь не есть еще предмет. Но Я любви выходит из нее, отталкивает самого себя и становится для себя предметом. Единство обоих характеров есть только *любовь*, но еще не знает себя как любовь. [Как] таковую она знает себя в ребенке. В нем любящие созерцают любовь; [это] их *самосознательное* единство, как таковое.

Любовь есть *непосредственный* предмет или нечто единичное, и единство любви есть теперь одновременно движение снятия этой единичности. У этого движения, с *одной* стороны, значение снятия непосредственно наличного бытия: смерть родителей. Они суть исчезающее *становление*, снимающий себя исток. По отношению к порожденному индивиду это есть как сознательное движение становление, его *для-себя-бытия*, *воспитание*, а по своему существу вообще — снятие любви. Это непосредственно *духовная субстанция*; оно смотрит на них как на свою сущность, но [как] на нечто чуждое, в котором у него еще нет своей самости. Оно *служит*, оно не есть индивидуальность, не есть для-себя-сущее; но его служение есть делание; благодаря деланию оно делает субстанцию своей субстанцией. Движение добавляет момент самости**.

* Любовь есть а) как равенство абстрактного бытия, [так] в этом смысле положенное владение. [Любовь] выступает как нечто чуждое; но в своем понятии [она есть] б) *действительность*, *самость*, для-себя-бытие...

** (Приведенное в движение колесо сохраняет в себе некоторое время движение, хотя его больше не вращают), но Я, понятие само [есть] движение. Оно движет посредством *другого*, обращает последнее в самодвижение, а самодвижение, наоборот, в инобытие, в опредмечивание Я и *для-себя-бытие*, а именно не как абстрактное <бытие> вожеления, а как целое,

Семья заключена в этих моментах: α) любви как любви естественной, рождения детей, β) самосознательной любви, сознательного ощущения и умонастроения и их языка, γ) совместного труда и приобретения, взаимных услуг и забот, δ) воспитания. Ничто отдельное нельзя сделать целой <исключительной> целью.

Любовь стала для себя предметом, и этот последний — для-себя-сущим. Это больше не характер, но у него вся простая сущность в нем самом; он есть само то духовное признание, *которое знает себя самого* *.

Семья как *целое* выступила против другого в себе замкнутого целого: или же налицо завершенные, свободные индивидуальности друг для друга; здесь впервые есть собственно бытие для духа, поскольку есть самосознательное для-себя-бытие.

Они соотнесены друг с другом и одновременно напряжены друг против друга. Их непосредственное наличное бытие является <взаимно> исключаяющим. Один приобрел в свое владение кусок земли, не единичную вещь, подобно орудию, а постоянное всеобщее наличное бытие. Он отметил его посредством труда, или же придал знаку содержание его как некоего налично-сущего — негативное значение, исключаяющее другое. Другой, следовательно, исключен из того, что *он есть*. Бытие больше не является бытием всеобщим.

Это отношение обычно и называют *естественным состоянием* ** — свободное <взаимно> безразличное бы-

вышедшее из целого, *любви*. Две целостности противостоят теперь друг другу.

* Это — характер, возникший благодаря *опосредованию*, благодаря служению, вопреки субстанции, вопреки целому, поэтому он уже не есть *естественный* характер, но утратил свое естественное наличное бытие. Определенность воли снята: *действительность* любви.

** α) Естественное состояние — право в естественном состоянии как абсолютное право. Право содержит *чистое* лицо, *признанное бытие в чистом виде*. Таковы индивиды не в естественном состоянии, а погруженные в наличное бытие, благодаря тому, что каждый из них человек, в своем *понятии*; но в естественном состоянии человек — не в своем *понятии*, а как естественное существо в своем *наличном бытии*. Вопрос непосредственно противоречит себе — я рассматриваю человека в его *понятии*, то есть не в естественном состоянии.

тие индивидов, и естественное право должно дать ответ, какие взаимные права и обязанности имеют индивиды согласно этому отношению, какова необходимость их поведения, их самостоятельных — согласно их понятию — самосознаний. Единственное их отношение, однако, есть снятие именно этого отношения: *ex eundem e statu naturae*¹. В этом отношении у них нет никаких взаимных прав и обязанностей, а они получают таковые лишь благодаря оставлению его. Положено понятие взаимно свободных самосознаний, но именно только понятие; оно должно реализовать себя, поскольку оно есть понятие, то есть именно снять себя как сущее в форме понятия (вопреки своей реальности). Это происходит на деле бессознательно в разрешении этой задачи и в ней самой — бессознательно, то есть так, что понятие не находится в предмете. Задача же такова: *что такое права и обязанности индивида в естественном состоянии?* В основу кладется понятие такого индивида; из этого понятия все должно быть выведено. Я заимствую для этого определение *права*. Я показываю, исходя из него, что индивид есть правовое лицо. Но это указание находится во мне; оно есть движение моей мысли, а содержание есть свободная самость. Это движение, однако, не оставляет последнюю тем, что она есть; или, иначе, это — движение этого понятия. Право есть *отношение* лица в его поступках к другим, всеобщая стихия его свободного бытия, или же определение, ограничение его пустой свободы. Это отношение, или ограничение, я не должен для себя высиживать или заимствовать, но предмет сам есть это порождение права вообще, то есть отношения *признания*. В признании самость перестает быть отдельным <индивидом>, она есть правовая в признании, то есть уже не в своем непосредственном наличном бытии. Признанное признано как *непосредственно* значащее, благодаря его *бытию*, но именно *это бытие порождено из понятия*; это — признанное бытие. Человек необходимо признается <другими> и необходимо признает <других людей>. Эта необходимость есть его собственная, а не необходимость нашего мышления в противоположность содержанию. Как признание он сам есть движение, и

именно это движение снимает его естественное состояние: он есть признание; естественное лишь *есть*, оно не есть *духовное*.

Индивиды, какими они выступают по отношению друг к другу, еще не признают друг друга, но, скорее, их бытие нарушено. Один нарушил его благодаря своему владению. Это владение еще не есть собственность. Если поэтому я рассматриваю его в этом естественном состоянии как *непосредственно владеющего* и спрашиваю, в чем же тут право *⟨на владение⟩*, то это требование абсолютного определения, тогда как бытие, *⟨выступающее здесь⟩*, есть случайное бытие; столь же случайно их отношение друг к другу, и нельзя получить никакого определения. Достаточно того, что это — *мое*. Я должно быть признанным, Я значимо *непосредственно* и в форме непосредственности. Это *признание* есть *право*. Право *владения* непосредственно направлено на вещи, а не на что-то третье. У человека есть *право* взять в свое владение, что он может — как единичный. У него есть право; это заключено в его понятии быть самостью; как самость он обладает силой по отношению ко всем вещам. Но вступление его во владение получает еще то значение, что исключается кто-то третий. Что же, если учесть такое значение, обязательно по отношению к другому? Что я могу взять во владение, не лишая права третьего? На такие вопросы как раз нельзя дать ответа *. Захват владения есть *чувственное овладение*, и индивид должен сделать его правовым путем признания. Он *⟨захват⟩* правовой не потому, что он есть. В себе непосредственный человек вступает во владение **. Противоречие состоит в том, что непосредственное составляет содержание, *⟨выступает как⟩* субъект, предикатом которого должно быть право. Это — моя собственность, так как она признана другими. Но что признают дру-

* Наружу [?], или определения *всеобщего бытия*.

** Противоречие обладания *⟨Habens⟩* и для-себя-бытия: в обладании я есмь *непосредственно* сущий — первое как *непосредственное бытие*, второе — как *для-себя-сущее*. Непосредственное противоречие: *моя вещь*, поскольку она есть *моя вещь*, а не поскольку она есть вещь — различение.

гие? То, что я имею, чем я владею. Содержание, следовательно, вытекает из моего владения. Могу ли я тогда иметь, что я хочу и сколько хочу? Я не могу взять у третьего то, что я хочу, из-за признанности (его владения), ибо что он имеет, признано. Но, вступая во владение непосредственно, то есть овладевая тем, что никому не принадлежит, я присоединяю его *к себе*, и, таким образом, при таком овладении снова встает вопрос о признании: я беру то, что могло бы стать владением другого. Но его владением оно лишь *могло бы* стать, а моим является *действительно*; его возможность уступает моей действительности. Он должен признать меня как *действительного*. Но чем же я все-таки владею? а) Моим телом; б) вещью, которая у меня уже во рту или в руке, но не только ею, а и той, которую я уже отметил моим вожделением или взглядом, которую я уже пожелал и уже намеревался схватить. Дети утверждают право на основании того, что что-то первыми *увидели*, первыми захотели; взрослые бывают раздосадованы тем, что их опередили, хотя они уже ничего не могут поделать*. Кроме непосредственного захвата сущая вещь объявляется моим владением посредством *знака*, например в результате обработки. На то, что обозначено как *мое*, другой не должен посягать. Но обозначение тоже случайно: огороженная земля, вокруг которой проведена лишь граница, лишь бороздка, обозначена и одновременно не обозначена как моя. У знака безграничная широта**: вбитый на острове кол означает, что я настаиваю на своем вступлении во владение островом; также и в обработке я не могу отделить форму от металлического ковша. Но где начинается форма в обработанном поле, дереве и где она кончается? Внутреннее каждого комка земли оставлено нетронутым или только сдвинуто с места, а нижние слои и многое другое вообще нетронуты***.

* Предметность: свободное отделение *моего* (во владении, любви свободный предмет), *сущность*, вещь, форма моя.

** Расширение предметного Я — благодаря его *значению*.

*** Первое владение случайно: это — *так*. Сторона случайности; но случайность должна быть снята...

Чувственное непосредственное, к которому применено всеобщее, не соответствует ему, не окружено им; [это] дурное бесконечное деление. Оно не есть *в себе* всеобщее; всегда [остается] противоречие, принимая во внимание это содержание. Соразмерность потребностям семьи, отдельного <индивида> противоречит чистой *самости*, тождеству, а именно оно и лежит в основе права. Здесь нельзя ничего определить *в себе*; а как принадлежащая единичности, это та сторона, которая представлена *случаю*. Здесь нет разума, а последний привносится лишь тем, что ничто не принадлежит одному <индивиду> благодаря непосредственному захвату, но благодаря *договору*. Это означает, [что] непосредственное вступление во владение не имеет места, что *в себе* не исключается, а признается. Исключение <такого> *в себе* есть, напротив, неправовое, что не должно иметь места, ибо исключенный наличен в нем не как действительное сознание, и я при этом вступаю в отношение не с таковым.

Признание есть, следовательно, первое, что должно стать; или, иначе, индивиды суть *любовь*, это бытие в признанности без противоположности воли, где каждый был целым <умо>заключением, где они выступали лишь как характеры, а не как свободные воли. Такому надлежит стать. Для них должно стать то, что они суть в себе. Их бытие друг для друга есть начало этого.

Они суть, следовательно, а) такой индивид*, который исключил <другого> из своего владения, и другой <индивид>, ставший для себя, исключенный. Они, таким образом, суть непосредственные <индивиды> друг для друга. <Умо>заключение таково, что каждый не знает в другом своей *сущности*, подобно характеру, но знает свою сущность в себе самом; или, иначе, он

Оружие, *форма*; *выдавливание* сформированной массы. *Вещь* как *вещь* принадлежит мне; моя воля включает ее в свою самость.

Каменная глыба с некоторых сторон обработана; там, где нет, я могу ее выдолбить. Дерево не посажено им — животное...

* Его субстанция, его пребывание есть вещь, обладающая этим целым *для себя* — в значении *этого* отдельного целого. Он сперва лишь *имеет*; еще не *собственность*...

есть *для себя*, но один — как исключенный из бытия, а другой как исключаящий. Итак, они противоположны и друг для друга, так что один как сущность, как *бытие* обнаруживает себя отрицаемым другим; но если он не есть для первого, то он, напротив, есть для себя.

Движение, следовательно, начинается не с позитивного <не с того>, чтобы знать себя в другом и благодаря этому созерцать самоотрицание другого, а, напротив, с незнания себя в нем и, более того, с *бытия* — с видения в другом для-себя-бытия другого. <Умо>заключение начинается, таким образом, с самостоятельности для-себя-бытия крайних <терминов>, или, иначе, с того, что самостоятельность каждого есть для другого, с того, что они самостоятельны. Причем [совершается это] сначала с одной стороны, со стороны исключенного; поскольку он есть *для-себя-сущее*, поскольку он не есть для другого, поскольку он исключается другим из бытия. Но другой, семья, — выступает в спокойной непринужденности для себя. Исключенный посягает на владение другим; он помещает туда свое исключенное для-себя-бытие, свое *мое*. Он губит здесь нечто — уничтожение, подобное уничтожению вожделения, чтобы придать себе самоощущение <чувство своего достоинства>, но не пустое самоощущение, а полученное путем полагания своей самости в некую другую самость, в знание другого. Деятельность направлена не на негативное, не на вещь, а на самознание другого. Благодаря этому различие полагается в *знание* другого, который положил различие лишь в наличное бытие *другого*. Он <другой> поэтому тоже возбуждается; он разделен *в себе*, и его исключение из бытия превратилось в исключение знания. Он <другой> приходит к сознанию, что он делал нечто совершенно иное, чем он сам *мнил*; его *мнение* было чистым отношением его бытия к самому себе, его непринужденным для-себя-бытием. Так, возбужденные, стоят они оба друг против друга, а именно: второй как обидчик, первый как обиженный, так как обиженный не *мнил* о другом, когда вступал во владение; тот же [кто] обидел, мнил о нем: то, что он уничтожил, было не собственной формой вещи, а формой труда или делания другого. Следовательно,

то, что исключенный восстановил себя <в правах>, приводит не к равенству обоих, а, наоборот, к новому неравенству. Равенство [требуется], чтобы *оба* полагали себя в вещи; а [здесь] налицо более высокое неравенство, когда один полагает себя в для-себя-бытие другого. Первый полагал себя в ничью вещь, другой же — в вещь занятую.

Это неравенство следует снять. Но оно уже должно быть снято в себе, а делание обоих — только то, что снятие это будет для них обоих. Снятие исключения уже произошло; оба суть *вне себя*, оба — знание, оба — для себя предмет; каждый осознает себя в другом, правда, как нечто снятое, но позитивность тоже стоит на стороне каждого. Каждый *хочет* быть значимым для другого, *цель* каждого — созерцать себя в другом. *Каждый — вне себя* *. Каждый есть <умо>заключение, один крайний <термин> которого — вне его (снятый в другом), и каждый есть для себя; но оба *Я*, то, что во мне, и то, что снято в другом, суть одно и то же *Я*. *Я* есмь для себя *содержание* как цель, то есть *Я* для себя позитивно. *Мое Я* тоже должно быть позитивным; другими словами, позитивность пока заключена только еще во мне, пока она только *моя цель*.

Неравенство имеет, следовательно: а) такую форму, что один снял только бытие другого, но другой — для-себя-бытие первого; б) в каждом то, что *каждый знает себя вне себя*; один потерял свое наличное бытие, именно *обиженный*; другой *возвратил себе свое наличное бытие, но это восстановление произошло за счет другого*, обусловлено этим; это не непосредственное, свободное приобретение. Их роли, следовательно, поменялись: обидчик доволен для себя (не *в себе*, ибо его в-себе-бытие обусловлено); второй — теперь раздражен, напряжен: чужое для-себя-бытие положило себя в его для-себя-бытие. Он стремится к тому, чтобы восстановить не свое наличное бытие, а свое знание о себе, то есть быть *признанным*. Должно быть *положено действительное для-себя-бытие, как таковое*, не как форма вещи, ибо у последней нет ничего постоянного, и не

* [Эта фраза на полях].

благодаря языку, так как *знание* действительно. Каждый *знает* себя для себя, ибо один <индивид> снял чужое *для-себя-бытие*, а другой видит, что его *для-себя-бытие* снято; он созерцает его как снятое, он есть *знание*. Это воля, *для-себя-бытие*, как таковое; у его <для-себя-бытия> действительности то значение, что она должна быть признана другим, быть значимой для него как абсолютная. Но чтобы оно было значимо как абсолютное, оно должно представить самое себя [как] абсолютное, как волю, то есть как нечто такое, для чего более не значимо его наличное бытие, которое было в его владении, но значимо *это его известное для-себя-бытие*, бытие которого имеет чистое значение знания о себе и таким образом приходит к существованию. Такое представление, однако, есть им самим совершенное снятие наличного бытия*, которое ей <воле> принадлежит: направленность воли на самое себя, на крайний <термин> ее единичности. (Характер лишь направлен на самого себя как всеобщее.) Как сознанию ей кажется, что дело идет о *смерти* другого, но дело идет о ее собственной <смерти>, [это] — самоубийство, ибо она подвергает себя *опасности* **.

Она созерцает, таким образом, свое снятое внешнее наличное бытие. Это наличное бытие есть ее наисобственнейшее; она превращает снятость бытия того чужого в свое наисобственнейшее *для-себя-бытие*, ибо она есть разум. Восстановление есть восстановление ее в принятие ее наличного бытия, в абстракцию знания. *Хитрость* есть знание, *в-себе-бытие*, знание о себе, — подобно воле, которая есть лишь побуждение. В побуждении крайние <термины> имеют форму безразличия, *бытия*; побуждение еще не есть *знание*. Знающая воля должна быть исполнена: а) как любовь со знанием непосредственного единства обоих крайних <терминов>, как не-самостных; б) как признание, где они выступают как свободная самость. Первое есть исполнение всеобщего крайнего <термина>, а второе — единичного,

* а) владение; б) исчезание этого *для-себя-бытия*, формы владения; в) исчезание ее собственного непосредственного наличного бытия.

** Насилие, господство и служение.

то есть превращение его в целое <умо>заключение. У этого <умо>заключения — крайние <термины> в форме для-себя-бытия. То, что было познанием, становится признанием. Есть [два] <индивида>, знающие себя как *для-себя-бытие*, — таким образом они разделены. Движение есть борьба не на жизнь, а на смерть. Из этой борьбы каждый выходит [благодаря тому], что он видел другого как чистую самость, а это есть *знание воли*, так что воля каждого есть знающая, то есть в себе целиком рефлексированная в свое чистое единство. Лишенная побуждения воля скрыла в себе определенность знания бытия не как чуждого.

Эта знающая воля теперь есть *всеобщее*. Она есть бытие в *признанности*. Будучи противопоставлена себе в форме всеобщности, она есть бытие, действительность вообще, а единичное, субъект есть *лицо*. Воля единичных <индивидов> есть всеобщая воля, а всеобщая воля есть воля единичных, нравственность вообще, непосредственно же — право*.

II. ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ДУХ

Дух действителен ни как интеллект, ни как воля, но как *воля, которая есть интеллект*, то есть в интеллекте они <интеллект и воля> суть единство двух всеобщностей, а *во всеобщей воле они суть завершенная самость*. Они суть знание о своем *бытии*, и их знание

* Сила воображения, воспоминание, знак — свободная воля вообще, орудие, хитрость. Как соответствуют друг другу ступени интеллекта и воли:

а) язык, имя

б) рассудок, суждение, разум — движение *в стихии языка*

а) любовь, имеет наличное бытие;

б) суждение, целое — движение <умо>заключения.

Ограничение свободы, то есть произвол свободы в обособленном единичном <индивиде>, случайном

а) *Интеллект*, представление, образ вообще — *сущее* чужое, пустое мое — бытие *в признанности* — это *наличное бытие*, *исполненное волей*, нечто целиком мое, исполненное всей волей

б) *Воля*, любовь — *непосредственное бытие* в признанности; право — это всеобщее абстрактное бытие в признанности.

есть духовное: всеобщая воля. В этой стихии должно теперь предстать предыдущее; как абстрактный интеллект снял себя в воле или его предметы исполнились через самих себя, так здесь абстрактная воля должна снять себя — или породить себя снятой — в стихии всеобщего бытия в признанности, этой духовной действительности. Благодаря этому владение превращается в право, как до этого труд — во всеобщее; то, что было семейным достоянием, в котором супруги знали себя, становится всеобщим делом и потребляется всеми *, и различие индивидов становится знанием добра и зла — личное право и несправедливость **.

а. [Бытие в признанности]

Бытие в признанности есть непосредственная действительность ***, и в ее стихии лицо <выступает> сначала как *для-себя-бытие* вообще; оно есть <лицо> потребляющее и трудящееся. Только здесь *вождеделение имеет право выступить*, ибо оно действительно, то есть у него самого — *всеобщее, духовное бытие*. Труд всех и для всех, и пользование — пользование всех. Каждый служит другому и оказывает помощь, или же индивид лишь здесь имеет наличное бытие как *единичный*; до этого он был лишь абстрактным или неистинным. Хотя дух может полагать себя в качестве абстракции, анализировать себя и придавать [себе] существование, в отличие от животного, у которого самость, если она становится системой, превращается в болезнь, однако в этом случае самость имеет только мгновенное, исчезающее существование. Здесь *вождеделение есть*. Я как *абстрактному для-себя-бытию* противостоит также *его неорганическая природа как сущее*; оно относится отрицательно к ней и снимает ее [в] единстве их обоих, но таким образом, что оно сначала формирует ее как свою самость, затем созерцает собственную форму, следовательно, пожирает самого себя. *Наличное бытие*,

* (Дозволенное и недозволенное впервые появляется в другом).

** Добро и зло.

*** Абстрактное бытие и движение.

вся совокупность естественных потребностей * в стихии бытия есть вообще множество потребностей; вещи, служащие их удовлетворению, *перерабатываются, их всеобщая внутренняя* возможность полагается как нечто внешнее, как *форма*. Но это перерабатывание многократно; со стороны сознания оно есть *делание-себя-вещью*. Но в стихии всеобщности оно таково, что становится абстрактным трудом. Потребностей много; воспринимать это множество в Я, трудиться — это *абстрагирование всеобщих образов*, но самодвижное образотворение. Для-себя-сущее Я есть Я абстрактное: оно, правда, трудится, [но] его труд тоже нечто абстрактное. Потребность вообще *разлагается* на множество своих сторон; *абстрактное* в своем движении есть для-себя-бытие, делание, труд. Так как трудятся лишь ради удовлетворения *потребности как абстрактного для-себя-бытия, то и трудятся тоже лишь абстрактно*. Это — понятие, истина вожелания, существующая здесь. Каково понятие, таков и труд. То, что <индивид> производит, опредмечивая себя в своем наличном бытии, не может служить удовлетворению всех его потребностей. *Всеобщий труд [есть, таким образом], разделение труда, экономия*; десять человек могут сделать столько булав, сколько делают сто. Каждый отдельный <индивид>, следовательно, поскольку он является отдельным, работает для удовлетворения какой-то *одной* потребности. Содержание его труда выходит за пределы *его* потребности; он трудится для удовлетворения потребностей многих [индивидов], и так [делает] каждый. Каждый, следовательно, удовлетворяет потребности многих, и удовлетворение его многочисленных особенных потребностей предполагает труд многих других. Так как *его* труд есть такой абстрактный труд, то он выступает как абстрактное Я или по образу вещиности — не как широкий, богатый содержанием, осмотрительный *дух, владеющий большим* объемом всего и являющийся его

* а) Непосредственное Я труда α) непосредственное движение делания, не воспринятого *в знание*; у его труда — характер абстракции. Оно трудится не как *единичная, конкретная* тотальность потребностей...

господином. Он не имеет *конкретного* труда, а его сила состоит в *анализировании*, в абстракции, в разложении конкретного на многие абстрактные моменты. Сам его труд становится совершенно *механическим* или принадлежит какой-либо простой определенности; но чем абстрактнее становится последняя, тем более он *индивид* есть лишь абстрактная деятельность, и благодаря этому он в состоянии изъять себя из *процесса* труда и на место своей деятельности поставить деятельность внешней природы. Ему нужно только движение, и он находит таковое во внешней природе, или чистое движение есть именно отношение абстрактных форм пространства и времени — абстрактная внешняя деятельность, *машина*.

Между этими различными абстрактными продуктами обработки теперь должно *найти место движение*, благодаря которому труд снова станет *конкретной* потребностью, то есть потребностью отдельного *индивида* *; это будет субъект, имеющий в себе много таких потребностей **. Суждение, которое их анализировало, противопоставляло их друг другу как *определенные* абстракции; их всеобщность, до которой оно поднимается, есть их *равенство* или *стоимость*. В ней они одно и то же. Сама эта стоимость как вещь есть *деньги*. Возвращение к конкретности, к владению есть *обмен* ***. Абстрактная вещь представляет в обмене то,

* *Определенность в себе самой, возвращение к единичности.*

** Он *индивид* сам сделал *этот свой продукт* *бытием* для *удовлетворения* потребности других, тогда как в *семейном владении* он, напротив, сохранял его *для себя*. Причина этого в том, что его *простое наличное бытие* есть бытие всеобщее; его владение имеет [теперь] то значение, что оно есть для других.

*** б) В своем абстрактном *труде* он *индивид* созерцает всеобщность самого себя, своей формы, или созерцает свое бытие *для другого*. Он хочет, следовательно, положить это, сообщить другим, или же эти другие должны сами быть *созерцаемы в этом*: второе движение, которое содержит развитые моменты первого. Я [есть] делание по отношению к *другому Я*, а именно как признанное им, некое такое, которое соотносится с моим владением, которое он хочет получить только с *моего изволения*, подобно тому как я [направляю] себя на его

что она есть, а именно способность быть изменением, возвращаться в «Я» из вещиности, причем так, что его вещьность в том и заключалась, чтобы быть владением другого. Каждый <индивид> сам отказывается от своего владения, снимает свое наличное бытие, причем так, что он признан в этом владении, что другой получает его <это владение> с *соизволения* первого. Оба <индивида> признаны; каждый *получает* от другого владение другого, так что получает [его] лишь постольку, поскольку другой сам [есть] это негативное себя самого, или <получает его> как собственность. Благодаря *опосредованию* каждый есть негативное <начало> своего бытия, своего имущества, и последнее *опосредовано* через отрицание другого. Только потому, что другой сбывает свою вещь, я делаю то же самое; и это *равенство в вещи* как ее внутреннее есть ее *стоимость*, с которой я вполне согласен, как и с мнением другого, — *позитивное мое*, а также его, *единство моей и его воли*, и моя [воля] значима как действительная, наличная; *бытие в признанности* есть наличное бытие. Благодаря этому моя воля значима, я владею; владение превратилось в *собственность*. Во владении у бытия — недуховное значение моего имущества как имущества этого отдельного <индивида>, а тут у него *бытие в признанности*, и бытия владения [то значение], что есть *вещь* и есть я, и вещь — как постигнутая *моя* самость. Здесь бытие [есть] всеобщая самость и имущество есть опосредование через другого, или, иначе, оно — всеобщее. Всеобщее есть *стоимость*, движение как чувственное есть обмен. Эта же всеобщность опосредована в *собственности*, выступает как знающее движение, следовательно, непосредственное *имущество*, *опосредованное бытием в признанности*, или, иначе, его наличное бы-

<делание> только с его изволения. *Равенство* обоих <индивидов> как *признанных*. — *Стоимость*, значение вещи.

Вещь имеет значение *отношения к другим*. Бытие для другого, наличное бытие есть бытие в признанности, то есть в нем присутствует *особенная воля* каждого <индивида> и равенство их, причем таким образом, что для каждого существует воля другого — *единство абсолютно различных*.

тие есть духовная сущность *. Здесь снята случайность захвата владения; я все имею благодаря труду и обмену в бытии в признанности. (*Я* — тоже всеобщий, не это отдельное лицо, а одновременно семья; иначе говоря, собственность есть а) движение вещи в обмене. *Наследство*, далее, предполагает смену индивидов, семья же есть нечто постоянное, — [но] здесь об этом еще нет речи **..) Источник, происхождение собственности есть здесь источник, происхождение труда, самого моего делания — непосредственная самость и бытие в признанности, основание. Я есмь причина; именно потому, что я хотел — цель в обмене — причина: основание [есть] всеобщее. В обмене я хотел, я положил мою вещь как стоимость, то есть как внутреннее движение, внутреннее делание, подобно тому как труд [есть] труд, погруженный в бытие; [и в том и в другом случае] имеет место одно и то же отчуждение (*Entäusserung*).

а) В труде я непосредственно делаю себя вещью, формой, которая есть бытие.

б) Это свое наличное бытие я тоже отчуждаю, делаю его чем-то чуждым себе и сохраняю себя в нем. Именно в нем я созерцаю свое бытие в признанности, бытие как знающее себя; там — мое непосредственное Я, здесь — мое для-себя-бытие, я как лицо.

Я, следовательно, созерцаю здесь мое бытие в признанности как наличное бытие, и моя воля есть такая значимость.

в. Договор

Это бытие в признанности в обмене, ставшее предметом, или, иначе, моя воля есть наличное бытие, так же, как и воля другого. Непосредственность бытия в признанности распалась. Моя воля представлена как воля значащая, не только для меня, но и для другого, и она здесь равносильна самому наличному бытию.

* а) Образы, б) воспоминание, стоимость.

** Я есмь случайность владения. Моя ловкость, склонность, талант — лучшая, приближившаяся случайность. — Я сам абсолютно необходимо....

Стоимость есть *мое мнение* о вещи. Это мое мнение и воля возымели значение для другого (опосредованные через его мнение и волю). Я *сделал* что-то, я совершил *отчуждение* этого сделанного; это *отрицание позитивно*; отчуждение есть *приобретение* *. Мое мнение относительно стоимости было *значимо* для другого, и моя воля *была значима* для его *вещи*. Они *индивиды* созерцают себя как такие, мнение и воля которых действительны. Это есть сознание, то есть различение в понятии бытия в признанности: *воля отдельного* *индивида* есть общая *воля*, утверждение или суждение, и его воля есть действительность — в качестве отчуждения его, что есть моя воля **. Это знание выражено в *договоре*. Договор есть то же самое, что и обмен, но обмен идеальный: а) я не отдаю ничего, я ничего не отчуждаю, не произвожу ничего, кроме своего *слова*, речи, — что я хотел бы совершить отчуждение себя, б) другой делает то же самое. Это мое отчуждение есть также и его воля; он доволен тем, что я ему предоставляю это. γ) Это также и его отчуждение, это общая воля; мое отчуждение опосредовано его *отчуждением*. Я только потому хочу совершить отчуждение себя, поскольку он со своей стороны хочет совершить то же самое, и потому, что его отрицание становится моим утверждением. Это уже не обмен вещей, а *обмен заявлений*, но он значим так же, как и сама вещь. Для каждого значима воля другого, как таковая. Воля вернулась в *свое понятие*.

Но здесь наступает то разделение, которое может обратиться в противоположность: в уход-в-себя. Воля имеет значимость, как таковая, она *освобождена* от действительности. Именно в этом состоит противоположность: единичная и общая воля отделяются друг от друга; первая выступает как негативная по отно-

* О чем я вообще могу *заключить договор*? Обо мне *как* лице, о моем единичном, *неопределенном служении* (это зависит от обычая, а потому есть нечто в себе неопределенное, единичность) — не о целом меня *как* лица — неизменно на всю жизнь — и не [о] семье и детях, — о чем позже.

** *Смысл собственности* состоит в том, что у моей воли и мнения — мое *наличное бытие*.

пению к *всеобщему*; преступление есть лишь постольку, поскольку я признан и моя воля значима как всеобщая, как воля в себе, не оскорбление, не нарушение *〈бытия другого индивида, как то было〉* до признания. Другими словами, общая воля имеет в договоре лишь позитивное значение для моей, как и моя для общей: они совпадают. Но они *могут* и не совпасть. Я могу односторонне нарушить договор, ибо моя единичная воля *значима*, как таковая, не только постольку она является общей, а общая воля сама ведь есть лишь постольку, поскольку значима моя единичная. Оба *〈момента〉* равно существенны, моя единичная воля так же существенна, [как] и равенство *〈воли〉*. Моя единичная воля является причиной, а единичная и всеобщая *〈воли〉* распадаются здесь таким образом, что моя воля *значима*, поскольку она есть лишь воля, поскольку я еще ничего не совершил. Но совершение есть наличное бытие, или сущая всеобщая воля. Она, следовательно, распадается в представлении на волю, имеющую всеобщее значение, с одной стороны, и волю в наличном бытии, — с другой. Первая значима для второй, и все же она не тождественна со второй.

Полагая эту различенность действительной, я, таким образом, *разрываю договор*. Другой признавал мою *не-налично-сущую волю*; он был ею доволен. Правда, не-наличное бытие, не-совершённость, *должно* было быть снятым — *долженствование*; но он *〈другой индивид〉* признавал *долженствование* как *долженствование*. Именно в том, что воля значима как таковая, заключено безразличие *〈по отношению〉* к наличному бытию и времени *. Это — *один смысл*, а обратный есть существенность наличного бытия, как такового, которое при этом противостоит существенности воли, как таковой, противостоит отдельной воле: *наличное бытие*, которое имеет значение общей воли, противостоит *единичности* воли, и последняя, напротив, должна утвердить себя по отношению к первой. Это утверждение есть снятие того наличного бытия, *принуждение*: дру-

* Противоречие *долженствования, представленного наличного бытия*.

гой <индивид> должен совершить <акт>, его воля, хотя она и воля, не уважается, ибо она противоположна самой себе, как всеобщей; *поскольку* она положила самое себя как *такую*, для которой *безразлично* ее действительное бытие, то ее к этому бытию принуждают. Моя единичная воля существенна, но одновременно она есть лишь момент, и в нем я положил ее как общую. Мое слово *должно быть значимым*, не из моральных соображений, что-де я *должен* внутренне оставаться равным себе, не менять своего настроения, убеждений и т. д. — я как раз могу изменить; но моя воля *налична* лишь как признанная. Я противоречу не только себе, но тому, что моя воля является признанной. Нельзя положиться на мое слово, то есть моя воля есть нечто только *мое*, только мнение. Лицо, чистое для-себя-бытие уважается, следовательно, не как единичная воля, отделяющаяся от общей, а только как общая. Меня принуждают быть лицом.

Договор содержит а) *определенную, особенную* волю как всеобщую*. б) Поэтому его содержание, вещь, которая является серединой <средним термином> отношения, есть особенная вещь, особенное наличное бытие, от которого я могу абстрагироваться. Моя случайная воля касается случайного, подобно тому как это имеет место в обмене; *сущее*, которое принадлежит середине, есть нечто особенное, и я выступаю как особенная воля по отношению к другой особенной <воле>, а не как *лицо* по отношению к лицу, ни я не отнесен к всеобщей воле, ни всеобщая воля, как таковая, не выступает здесь — она скрыта за определенной вещью. Всеобщая воля как общая и она же как моя чистая воля или лицо представлена в особенном, и моя чистая воля, как таковая, выступает в языке, [в] моем заявлении. Она отступила в него из непосредственного наличного бытия обмена. Но она имеет значение лишь особенного совершения, а всеобщая воля выступает как разрушение не лица, как такового, а лица как особен-

* Но это принуждение <особенного во всеобщем> является односторонним — противоречие собственности. Я являюсь *лицом*; *наличное бытие* мне безразлично — и я вкладываю мою *личность* в мое *наличное бытие*.

ного наличного бытия. Принуждение относится не к лицу, а лишь к его [лица] определенности и его наличному бытию.

Но согласно понятию, наличное бытие растворено в лице и во всеобщей воле, или, иначе, *оно* есть лишь как чистое лицо, как чистая, всеобщая воля, как чистая негативность*; это сила договора. Подобно тому как в акте моей воли я положил свою волю в некое наличное бытие, то есть в [некую] особенность, но мог это сделать лишь как лицо, то есть потому, что воля значима как бытие вообще, — подобно этому я испытал принуждение тоже как лицо, ибо в этом отрицании моего наличного бытия отрицалось также мое *бытие вообще*, поскольку оба нераздельны. Я рефлексирован в себя. Это проявляется именно в *принуждении*. Принуждению подвергается не эта особенность, а *Я*. Следовательно, *положено, установлено* понятие, согласно которому всеобщая воля поглощает в себя *единичное Я* как *сущее* по отношению к ней — поглощает отдельного <индивида> целиком; согласно этому понятию, я признан для самого себя *как лицо*. Здесь положено не только *мое имущество* и [моя] собственность, но также и я <как> лицо, и это постольку, поскольку в моем наличном бытии заключено мое *целое*: честь и жизнь.

с. Преступление и наказание **

На мою честь и мою жизнь никакой договор не распространяется. Договор снят, согласно его понятию, не [как] единичный. Договор положил мою волю в особенность, которую можно отделить. Я отдал эту особен-

* Я держусь не за то, что я должен совершить, по мнению другого, а за то, что *есть*; это значит...

** Договор заключают о собственности, о наличном бытии но не о лице; ибо это — *опосредование*, которое созерцает себя в вещи, в наличном бытии (как, например, в семейном имуществе, но не в ребенке...). В договоре мое слово имеет значение вещи, но [в качестве] договора о личности это мое слово, самое мое *неп[осредственное]* чистое бытие, которое я вложил [в слово]. Здесь нет ничего связывающего, то есть определенное наличное бытие есть личное служение.

ность, как в обмене, и результат этого — мое наличное бытие как бытие чистого лица. Таким образом, я теперь выступаю как признанный согласно моей чистой воле. Наличное бытие отступило в договоре, превратившись в простое следствие; но в договоре, как таковом, дело закончено. Здесь необходимое движение кажется снятым, оскорбление моей чести и вторжение в мою жизнь — чем-то случайным*. Но это оскорбление и вторжение необходимо. Я был принужден, и принуждение распространялось не только на мое наличное бытие, а как раз на мое Я, как рефлексированное в себя в моем наличном бытии. Признание моей личности в договоре делает значимым именно *меня* как налично-сущее, мое слово значимо уже для совершения; то есть моя обнаженная воля уже неотделима от моего наличного бытия; оба равны друг другу. Этому как раз и противоречит принуждение и насилие, ибо оно оскорбляет *меня* в моем наличном бытии. Я оскорблен, подобно тому как это имело место в движении признания. Другой <индивид> посягнул на мое владение и не только непосредственно на мою форму, а на мою признанную волю, как таковую, относительно которой он признавал, что она выступает в наличном бытии и неразрывно связана с последним. Я считаю себя оскорбленным, а именно как лицо, согласно понятию. Это непрерывное движение от наличного бытия, как внешнего и такого, в котором положено мое Я, или внутреннего. Противоречие выступает во мне как нетождественность моего первого и второго слова, но это противоречие той же нетождественности, что между моим Я как всеобщим и как особенным. Иначе говоря, другой <индивид>, заключая со мной *определенную* сделку, взял мою чистую волю как нечто самой себе

* Меня оскорбляют как признанного в качестве *общей воли*, то есть как *лицо*.

Я выполнял договор — *человек слова*, — то есть идеальное чистое лицо, значимое *в-себе*, как *бытие*.

Неприкосновенность чистого лица, жизни или моей воли, чистое согласие свободной воли, которая еще не привязала себя к наличному бытию.

нетождественное, как всеобщее, которое имеет *определенное* наличное бытие.

Принуждению я противопоставляю, таким образом, свое для-себя-бытие, не свое вообще оскорбленное Я, как это имело место в движении признания, а свое оскорбленное признанное Я. Я хочу ему, <индивиду, оскорбившему меня>, показать, что он не смеет принуждать меня, то есть что принуждение моего Я, связанного с определенным актом, было оскорблением моего чистого Я. Я нахожу оскорбленной мою честь, я нахожу снятой только мою волю со стороны определенного наличного бытия, а тем самым нахожу оскорбленной мою мыслимую чистую волю. Я выступаю как лицо против лица другого, я снимаю его *бытие* как всеобщее, гарантии этого лица. Я показываю ему, что он в этом *наличном бытии*, в этой определенности оскорбил меня как *всеобщее*, следовательно, нарушил равенство, так как речь шла лишь об определенном деле. Я, таким образом, в неравном положении по отношению к нему; в его совершении по отношению ко мне его воля не оскорблена, но он настоял на своей воле и совершил отчуждение от себя лишь определенного наличного бытия. Но его принуждение есть отчуждение моей воли. Я снимаю это неравенство, снимаю [и] его <самого> как волю, подобно тому, как он сделал это по отношению ко мне. Я мщу ему, но моя месть направлена не только против него как *самосознательной деятельности*, некоторого для-себя-бытия, как [это имело место] в естественном состоянии, — я мщу ему как воле, которая здесь одновременно [есть] интеллект, мыслит самое себя, знает себя как нечто всеобщее, всеобщее знание, которое есть также и мое знание, — [иначе говоря, я мщу ему] как признанному*. В принуждении он [другой индивид] общую волю установил как сущую и снял мою единичную волю, которую только я и признаю. *Моя* воля, как таковая, *для меня* тождественна со всеобщей, а так как она оскорблена, так как ее наличное бытие у нее отнято, то я

* Оскорблено нечто такое, что положено мною самим в качестве общей воли.

его восстанавливаю, полагая в качестве всеобщего другое бытие, волю другого, которая противостоит мне, не совершившему *⟨акта⟩*. Тем самым я совершаю преступление, насилие, грабеж, кражу, оскорбление и т. д. Оскорбление словом снимает его *⟨оскорбленного индивида⟩* как нечто всеобщее. Я не говорю: он сделал мне то-то и то-то дурное, а говорю, что *он сам есть* это *⟨дурное⟩*. Бранное слово полагает его *⟨оскорбленного индивида⟩* во всеобщем как нечто снятое. Суждение полагает дерево как *зеленое*; *оно зеленое* не для субъекта *⟨высказывающего суждение⟩*, но вообще. Так бранное слово делает его *⟨оскорбленного индивида⟩* как целое ничтожным в себе. Или, иначе, оскорбление действием снимает его как волю, все равно — [обо]крал я его, [о]грабил, напал на его наличное бытие без его ведома, вообще проявляю неуважение к бытию, к его воле вообще, действую открыто против его налично-сущей, изъясляющей себя воли. Первое подлее, второе оскорбительнее. Наконец, открытое убийство (совершенное не путем коварства) вообще наименее подло, но наиболее оскорбительно*. Ибо подлость есть отношение к другому как не существующему, то есть отношение сохраняет форму внутреннего, так что моя деятельность не раскрывается, не может быть постигнута такой, какова она *есть* поистине, а остается коварно рефлексированной в себя. Внутренним источником преступления является принуждение права; нужда и т. п. суть внешние причины, которые принадлежат к животным потребностям, но преступление, как таковое, направлено против лица, как такового, и преступник *знает* об этом, ибо он есть интеллект. Его внутренним оправданием является принуждение, противостояние его единичной воле со стороны власти, значимого, бытия в признанности. Он хочет *быть чем-то* (как Геро-

* Воровство не [касается] *знающей* воли, [ибо оно совершается] тайно, но оскорбление [является] больше, так как [воровство выступает] в *знающей* воле в своей полноте. В случае грабежа я нападаю на интеллект *⟨другого индивида⟩* лишь как на *наличное бытие*, не на его чистое *бытие*, *⟨не⟩* на [его] жизнь. Абсол[ютная] власть над жизнью, быть хозяином *жизни*, это бесконечное...

страт), не то что знаменитым, а сознающим, что он исполнил *свою* волю вопреки всеобщей воле. Совершенное преступление есть воля, знающая себя как единичную, для-себя-сущую, воля, пришедшая к *наличному бытию*, [несмотря] на власть другой <воли>, знающей себя как *всеобщую*. Но преступление приводит к оживлению, активизации всеобщей воли, оно возбуждает ее к деятельности. Всеобщая воля <теперь> деятельна. Признанная деятельность есть *всеобщая*, а не единичная, то есть она есть снятие единичного. Преступление оборачивается *наказанием* — возмездием всеобщей воли. *Сущность* возмездия коренится не в договоре, она не основана ни на устрашении, ни на исправлении преступника — сущность, понятие возмездия есть то, чем оборачивается оскорбленное всеобщее бытие в признанности. Возмездие есть *месть*, но она выступает как справедливость, заключающаяся в восстановлении бытия в признанности, которое есть *в себе* и которое (внешним образом) нарушается. С преступником происходит то же самое, что сделал он, поскольку он конституировал себя по отношению к кому-то как власть, другое, всеобщее <выступает> как власть по отношению *к нему* — именно всеобщее, как таковое, а не отдельный <индивид>, как в <случае> мести. Мель может быть справедливой; но здесь это сама справедливость. а) Оскорбленный признан *в себе*; все происходит в стихии бытия в признанности, права. Dolus, преступление, имеет то значение, что оскорбитель до этого признавал оскорбленного (это более всего относится к вору), что преступник знал, что делал, не объем [содержанного] в его *определенности*, [но] определенность вообще, он знал, что это запрещено; преступление состоит именно в том, что он оскорбил лицо, нечто признанное в себе, что он живет в сфере признания, что сущее <в этой сфере> имеет значение бытия в признанности*. б) Поэтому *честь* оскорбленного не страдает; честь обкраденного, убитого не оскорблена, ибо он *в себе* признан, или, иначе, его бытие в признан-

* Считающий себя оскорбленным нападает на *жизнь* другого, как на его *бытие*, которое непосредственно тождественно его для-себя-бытию — *колич[ественное]* отн[ошение].

ности *есть*, в отличие от естественного состояния, где посягание на владение другого есть оскорбление его чести, то есть его бытия в признанности, которое есть еще только в мысли. Оскорбление словом есть оскорбление чести, но не абсолютное оскорбление; оскорбленный не бесправен; *бесчестный* в себе является также *бесправным* *.

Благодаря этому движению бытие в признанности предстало реализованным: α) так что оно содержит в себе определенное наличное бытие и особенную волю, в отказе от самого себя, в своем отчуждении, оно обретает *себя*, сохраняет свою волю, β) сохраняет эту волю как таковую, как единичную, как сущую [в] договоре. Возвращение в единичность [есть] преступление, как если бы для единичности сам договор был преступлением. Преступление [есть] утрата единичностью *бытия* посредством всеобщей воли, [которая есть] примиренная всеобщая воля, которая, как таковая, значима абсолютно, [наказание есть] *внушение страха* перед преступлением, созерцание закона как абсолютной мощи, а не [мощи] единичного.

d. Закон, имеющий силу

Закон отличается от бытия в признанности тем, что он включает в себя самость отдельного <индивида>: α) согласно его наличному бытию и β) согласно его знанию — бытие в признанности интеллекта, — α) субстанция, β) что он знает это всеобщее, как таковое, и знает в нем самое себя. Эти моменты встречаются в каждом отдельном акте: α) каждый пребывает во всеобщей субстанции; [β] каждый знает о том, что его особенное бытие есть непосредственно всеобщее. Оно <всеобщее> *есть*, есть предмет, как сущность и не как чуждое, а как то, в чем каждый знает самого себя **. Движение этой общности интеллектов есть ее исполнение в качестве имеющей силу власти.

* В смерти абсолютная власть, *господин единичного*, или общая воля, стала чистым *бытием*.

** [Каждый] в своем *иностранности* [знает] самого себя — общую волю и именно самого себя как *чистую* абстракцию (смерть) или *ч[истое]* знание.

Это — *субстанция лица*; она содержит в себе следующие моменты: α) она есть *опосредование* лица с самим собой по ее *непосредственному наличному бытию*, она есть субстанция его существования, целиком основывается на общности с другими и, следовательно, [есть] абсолютная необходимость этой общности. Целое есть вместе с тем лишь такое всеобщее поддержание существования *〈Subsistenz〉*, единичное в нем снято, иначе говоря, заботятся только о всех, а не [об] отдельном [индивиде], как таковом; последний, напротив, приносится в жертву всеобщему. β) Отдельный *〈индивид〉* признан как владеющий собственностью. Всеобщее есть *субстанция* договора, то есть именно наличное бытие, значимость всеобщей воли*. γ) Он есть *лицо*, гарантия лица — справедливость, власть, заключающая в себе его как чистое бытие, власть его жизни как над его жизнью, так и над поддержанием существования его наличного бытия**. δ) Его существование в справедливости [есть] теперь *становление* в нем самом всеобщего, образование. Иными словами, этот имеющий силу закон имеет две стороны: единичное, пребывающее в нем, и *становление* такового. Но упомянутое пребывание есть вообще движение в нем самом.

Содержание и движение закона. Закон, таким образом, непосредствен и его содержание столь же непосредственно; это еще не нравы, не нечто живое, а нечто абстрактное; как закон он есть существование *общей воли* различных *〈индивидов〉* относительно единичной вещи. Они собираются здесь [вместе] ради закона, в котором они пришли к общей воле по поводу *определенного* отношения и заявляют об этом. Благодаря этому

* Момент различия появляется там, где общая воля должна осуществиться лишь благодаря соизволению — например, брак и договор и определенные волеизъявления — и где она непосредственно есть (наследство), *бытие*.

Закон касается α) простого поддержания [жизни] существования, *значимости* осуществленной общей воли, β) а там, где нет воли, предполагается установление понятия — степень родства, *содержание* закона, в-себе, γ) закон есть *налично-сущее в-себе*, встает на место живых индивидов — опекунство; утверждает право отдельного *〈индивида〉*, как такового.

** Закон воли, как таковой, — и наличного бытия...

снимается свобода соблюдать или не соблюдать договор. Поскольку отдельный <индивид> есть чистое лицо, жизнь, воля, как таковая, постольку он есть непосредственно объект закона. Дозволено то, что не определено законом, то есть то, что нельзя определить посредством него как абстракции. Закон, как таковой, может лишь *запрещать*, а не *дозволять*, потому что инициатор здесь — *единичная воля*, а общая воля должна еще осуществиться через самое себя. Единичное является действительным по отношению к своей абстракции.

Сила закона есть *в себе*, то есть она есть субстанция; она есть — субстанция *для* отдельного <индивида> — предмет, который есть его сущность, его в-себе, а он сам есть ее жизнь. Он становится а) *в нем самом* всеобщим, *мертвым*, тупым сознанием, б) образованным сознанием, которое сохраняет себя даже в своей абстракции.

А. Закон [как] пребывание его *непосредственного наличного бытия*. а) Отдельный <индивид> непосредствен как *естественное* целое в нем; он существует как семья. Он значим как это естественное целое, не как лицо, таковым он еще должен стать. Он есть непосредственное бытие в признанности; он связан любовью. Эта связь есть тотальность многих отношений, естественное зачатие, совместная жизнь, забота, приобретение, воспитание. Связь есть это целое; единичное поглощено этим целым. В качестве этого целого отдельный <индивид> существует для закона, для всеобщего: так, например, *брак* не та или иная цель, а как всеобщее: это тотальное движение в себя, бытие в признанности, любовь, созерцание в заботе, деятельности, труде, и возвращение в ребенке, в зачатии, но именно в этом — растворение, вторжение в целое. Это в себе законченное целое есть не связь через договор — оба они заключают, правда, договор о своей собственности, но не о своем теле. Согласно варварскому представлению Канта, брак есть взаимное предоставление половых органов, а в придачу и всего тела; [или мнение], что можно силой принудить вступить в брак.

αα) Что нельзя жениться близким родственникам, это позитивный закон о браке, [ибо это] противоположно понятию любви. Друг друга должны найти самостоятельные, естественно свободные <индивиды>, незаконные в непосредственном бытии в признанности. У родственников общая кровь, общее бытие в признанности. Даже в степени родства уже начинается неопределенность, но еще больше неопределенности при учете других сторон.

ββ) Согласие обоих лиц. Для закона, поскольку оба являются лицами, брак есть *воля*. Согласие [от] обеих сторон: *хотят* ли они вступить в брак, *хотят* ли они создать то целое, которое называется браком, а тем самым нечто всеобщее, а не единичное, как в договоре; так как каждый одновременно значим не как отдельный <индивид>, а как член семьи, то <нужно установить>: *согласны* ли семьи обоих. Брак [есть] именно слияние личности и природно-внеличного, это последнее — божественное как естественное, которое в этой естественности есть духовное, а не только определяет волю. Поэтому [брак есть] *религиозный акт*, а поскольку здесь идет речь [также] о воле, то и гражданский, который подлежит закону. Здесь сходятся оба момента, так же как и в случае соглашения лиц и семей. Закон * как чистая воля есть свобода от *единичности* как лиц с их естественным характером, так и от особенных моментов, на которые разлагается брак. Эта свободная жизненность и чистый закон находятся во взаимообмене друг с другом. Чистое воление есть результат живого движения, а последнее имеет своим бытием эту абстракцию, чистое мышление, и только со стороны чистого воления, изъяснения воли сюда вступает закон. Закон еще не охватил многих сторон индивидуальности, он еще отнюдь не является живым духом, отсюда эта эмпирическая игра противоположных сил. *Согласно пустому закону*, брак нерасторжим, ибо они <индивиды> изъяснили свою волю; но это совершенно односторонне. Абстрактный закон приходит в конфликт с *жизненностью*, и [естественной] воле [противоречит] пустая

* Закон — не принуждение к браку.

ч[истая] воля. Он <закон> должен познать свою абстракцию и уступить исполненной воле. Закон есть еще *неживая* всеобщность. Если закон *исполнен*, он должен считаться со *свободной* от него *жизненностью* — возвращение лица в себя из общего единства (нарушение супружеской верности, уход одного из супругов, *incompatibilité d'humeur* <несходство характеров> — определения, касающиеся содержания). Исполняется ли цель брака положительно, это не касается закона, коль скоро брак заключен; [так же мало] закон касается *возможности* брака: <например>, не слишком большое различие возраста (возможность содержать себя). Это содержание законами не определяется. *Расторжение* брака: сюда относится позитивная воля желающего расторгнуть брак.

Перед лицом закона или *в себе* брак нельзя заключить путем обещания вступить в брак или путем полового сношения, а лишь через изъявление воли, объяснения <предложения>: последнее *значимо*. Точно так же брак *в себе* нельзя расторгнуть из-за супружеской неверности, ухода одного из супругов, неуживчивости, плохого хозяйства — расторжение брака имеет место тогда, когда оба <индивида> считают брак расторгнутым и хотят этого. Но вопрос в том, является ли [то], что они считают, таковым и *в себе*, и, наоборот, хотят ли стороны также *признать* то, что есть в себе. Их первая воля — вступить в брак — изменилась, но ведь точно так же может измениться и их вторая воля. Негибкий закон мог бы настаивать на той первой воле и объявить брак нерасторжимым или, приняв во внимание *естественный* момент *в-себе*, расторгнуть его. Естественный момент, невозможность брака по причине слишком неравного возраста, расторжение из-за супружеской измены, позитивного оскорбления, которое есть в себе по воле <одного из индивидов> (а не пустое *в-себе*, как, например, бесплодие), — все это есть наиболее определенное, то есть форма всеобщности, но не определение. Законодательство должно подумать, как справиться с этим: установить то или иное определение — определение, бытие ради других живых целей: военное

сословие, сокращение населения, характер сословий и т. д. *

β) Отдельный <индивид> рассматривался в браке согласно его воле, но как *живой, составляющий с семьей единое. Он отказался от своего естественного одиночества. В браке семья имеет собственность. Это собственность не отдельного <индивида>, а семьи: семейное имущество.* Если один член семьи умирает, то отпадает лишь эта акциденция, а семья остается — отсюда *наследство*; не первый попавшийся должен вступить во владение; не наступает естественное состояние: основа *наследования*. Но отдельный <индивид> [есть] также чистое лицо; это его собственность, и он, как таковой, есть всеобщий. Он не умирает; именно *его объявленная* воля значима по отношению к его собственности. [Безразлично], живой он или мертвый, подобно тому, как договор не теряет силы по случаю смерти одного из контрагентов, если воля может быть выполнена без него. Мертвые не могут сочетаться браком, так же как живущий не может вступить в брак с небесным женихом. Но чтобы один получил собственность другого, для этого не нужно, чтобы собственник был жив. Однако это распоряжение отдельного <индивида> своим имуществом противоречит принципу наследования. Этот вопрос не может быть разрешен абсолютно, но оно должно определенным образом ограничиться другим. Чудачества в завещаниях — это случайности; тут надо посмотреть, как наиболее справедливо решить вопрос; сплошь и рядом необходимы уступки. Твердость закона нужно использовать, насколько возможно, не заходя слишком далеко; волю следует уважать больше всего.

γ) Закон о детях, как таковых, тоже неопределенен: смешение собственной и еще чужой воли. Поэтому договоры несовершеннолетних недействительны перед законом. Определенным является αα) их совершеннолетие, которое тоже неопределенно, если принять во внимание время; ββ) опека. Сначала выступает семья; но

* Брак как всеобщая защита против случайности и другие отношения...

контроль закона дополняет несовершенство семьи как чистой воли непосредственных родителей. Закон выступает здесь позитивно, принимая во внимание также воспитание. Воспитание [в] государственных учреждениях [остается] случайностью. Волю семьи следует уважать [в] законе.

В. Этот закон непосредственного наличного бытия отдельного <индивида> есть закон его воли, или, иначе, он получает таковую при исчезновении случайного бытия. [Через] смерть родителей закон становится позитивным; он выступает как то наличное бытие, которым они до этого были — [в] *государстве*. Это действительная *значимость* собственности, стихия действительного наличного бытия, [существующего] благодаря волению всех. Закон защищает семью, оставляет ее в ее бытии, но, подобно семье, он есть субстанция и необходимость отдельного <индивида>; он является бессознательной опекой над отдельным <индивидом>, поскольку его семья умерла, то есть поскольку он выступает как отдельный <индивид>. Он есть субстанция и необходимость — это [его] твердая сторона, в которой он выступает.

Закон есть прежде всего всеобщее право, собственность вообще, он защищает непосредственное владение, наследство и обмен. Но это только формальное право, которое, принимая во внимание [особые случаи], остается совершенно свободным (случайность наследования). Индивид приобретает благодаря труду; здесь закон утверждает только, что ему принадлежит то, что он обрабатывает и что он обменивает. Но всеобщее есть одновременно его необходимость, которая принуждает его в жертву при его юридической свободе.

Всеобщее есть а) чистая необходимость <существования> отдельного трудящегося <индивида>. Не сознавая того, он существует во всеобщем; общество есть его природа, от стихийного, слепого движения которой он зависит, которая сохраняет или уничтожает его духовно и физически; [b] Он существует благодаря непосредственному владению [или] *наследству*: совершенный случай. Его труд абстрактен, и в соответствии с этим он <индивид> получает преимущество перед при-

родой. Но это обращается лишь в другую форму случайности.

а) Он может больше обработать, но это уменьшает стоимость его труда; тем самым он не выходит за пределы общих отношений.

б) Благодаря этому умножаются потребности; каждая потребность разделяется на множество других; вкус утончается, он воспринимает больше различий. Требуется приготовление, которое все больше приближало бы используемую вещь к употреблению; нужно позаботиться об устранении тех ее сторон, которые препятствуют ее использованию (пробка, штопор, щипцы для чистки ламп). Индивид *образуется* как естественно пользующийся. γ) Но благодаря абстрактности труда [он] вместе с тем [становится] более *механическим*, притупленным, бездуховным. Духовное, эта исполненная самосознательная жизнь, становится пустым делом. Сила самости состоит в широте охвата, а последнее теряется. Он может некоторые виды труда передать машине; тем формальнее становится его собственное дело. Его тупой труд ограничивает его одной точкой, и труд тем совершеннее, чем он одностороннее. Но это множество порождает моду, непостоянство, свободу в употреблении форм изготовленных вещей. Покрой платья, вид обстановки не постоянны. Их изменение существенно и разумно, оно много разумнее, чем стремление остановиться на одной моде и пытаться в таких единичных формах установить нечто прочное. Прекрасное не подвержено моде; но здесь имеет место не свободная красота, а дразнящая, то есть являющаяся украшением ради другого и относящаяся к другому, желающая вызвать побуждение, вожделение. Другими словами, в этой красоте содержится момент случайности. Столь же непреложной является борьба за упрощение труда, изобретение новых машин и т. д. — умелость отдельного <индивида> есть возможность сохранения его существования. Последнее целиком подвержено игре случая в целом. Следовательно, множество людей осуждено на совершенно оупляющий, нездоровый и необеспеченный труд — труд на фабриках, мануфактурах, рудниках, ограничивающий умелость, и

отрасли индустрии, за счет которых содержался большой класс людей, вдруг иссякают из-за моды или удешевления, благодаря изобретениям в других странах и т. д., так что все это множество впадает в нищету, не будучи в состоянии избежать ее. Выступает противоположность большого богатства и большой нищеты, которой ничем невозможно помочь. Богатство, как всякая масса, становится силой. Накопление богатства происходит частью по воле случая, частью всеобщим образом, путем распределения. [Богатство —] это такая точка притяжения, которая собирает вокруг себя все, что попадает в поле ее действия, подобно тому как большая масса притягивает к себе меньшую. У кого есть, тому прибавится. Приобретение становится *многосторонней системой*, которая со всех сторон приносит доход, — более мелкое дело не может использовать все эти стороны. Другими словами, наиболее абстрактный труд все больше пронизывает отдельные *виды* и охватывает все более *широкую сферу*. Это неравенство богатства и нищеты, эта нужда и необходимость становится наивысшей разорванностью воли, внутренним возмущением и ненавистью. — Эта необходимость, которая есть совершенная случайность для единичного наличного бытия, вместе с тем есть его *сохраняющая субстанция*. Появляется государственная власть, и она должна заботиться о том, чтобы каждая сфера сохранялась, вмешиваться <в этот процесс>, то есть искать выходы, новые каналы сбыта в других странах и т. д., отсутствие которых затрудняет [деятельность], поскольку она перехватывает через край в ущерб другим. *Свобода промысла* [остается необходимой]; вмешательство должно быть по возможности менее явным, ибо это сфера произвола; следует избегать видимости насилия и не стремиться спасти то, что нельзя спасти, а необходимо найти страдающим классам другое занятие. Кругозор государственной власти является всеобщим; отдельный <индивид> погружен только в единичное. Правда, определенный промысел сам собой покидается, но это поколение тем не менее приносится в жертву и нищета увеличивается. [Необходимы] *налоги в пользу бедных и <благотворительные> заведения*.

Но субстанция есть не только этот упорядочивающий закон как власть, заботящаяся о сохранении отдельных <индивидов>, а она сама приобретает: всеобщее благо, благо целого. Налог а) прямой налог на недвижимое имущество, б) косвенный налог — первый исключительно по физиократической системе. Правда, сырые материалы хотя и являются абстрактной основой, но сами суть нечто определенное единичное, которое кажется слишком угнетенным; оно оставляется. Эта отрасль отсутствует в целом, и тогда уменьшаются доходы. Везде должна внедряться налоговая система, налог может казаться незначительным: от всех понемногу, но везде. Если она непомерно велика в какой-либо отрасли, то эту отрасль оставляют: пьют меньше вина, если [на него наложены] высокие налоги. Для всего нужно найти вид суррогата, в противном случае [начинается] нужда. Но эта необходимость тоже обращается против себя самой. Издержки по взиманию налогов становятся все значительнее, затруднения и недовольство все больше, так как пользование во всем затруднено и связано с наличием слишком многих моментов. Государственное богатство должно по возможности меньше основываться на доменах — его основой должны быть налоги. Домены являются частным владением и подвержены случайности, разбазариваются, так как кажется, что при этом никто ничего не теряет, а приобретает или имеет надежду приобрести; налоги же чувствует каждый и хочет знать, что они хорошо употребляются.

С. Эта стихийная необходимость, случайность единичного переходит в судебную власть. Согласно *рассудку, действительное владение и умение отдельного <индивида> являются случайными; но как всеобщий он существен**, а) как обладающий собственностью вообще, то есть *абстрактным правом*. Отдельный <индивид> имеет свое подразумеваемое им право только во всеобщем. Государство есть наличное бытие, *власть права, гарантия договора* и (пребывания при своей *неподвижной собственности*) *наличное единство слова, идеального*

* Чтобы договор соблюдался...

наличного бытия и действительности, как и непосредственное единство владения и права, собственность как всеобщая субстанция, пребывание, бытие в признанности как бытие значимое. Значимость есть опосредование непосредственного, которое <опосредование> стало тоже непосредственным. Здесь есть субстанция, и подобно тому, как она есть непосредственное пребывание, подобно этому всеобщий закон и утверждение этой абстракции по отношению к отдельным индивидам есть сознаваемая и желаемая необходимость, искомое уравнивание этой пустой необходимости и его наличного бытия.

αα) Она [субстанция] есть пребывание, защита непосредственной собственности, всеобщая воля, а ее сила — сила всех отдельных [индивидов]. ββ) Она является защитой договора, изъявленной общей воли, союз слова и его выполнения, и, в случае невыполнения, движение и восстановление выполнения, судебная власть. Последняя заботится о том, чтобы договор исполнялся; то, что есть для нее, это *общая воля*: последняя значима как сущность *. Двусмысленность *долженствования*, которая заключена в договоре согласно его понятию, исчезла. В нем положена в качестве значимой воля, отделенная от непосредственного выполнения. Она *налична*, другой этим доволен. Но это *наличное бытие* есть лишь *наличное бытие* особенного — непосредственное, не опосредованное. В момент соглашения оно *налично*, но именно это не опосредованное *наличное бытие* уже не значимо — значимо такое *наличное бытие*, которое выступает как *общая воля*, то есть которое также и опосредованно; *значимо значение* **. Другой признал меня хотя и как еще не совершающего, но в *значении общей воли*; это значение значимо в законе. Значение есть *внутреннее, чистое лицо*, закон *есть* это значение. В смертной казни снята раздвоенность *значения* и *наличного бытия*; я здесь на-

* *Повеление* есть закон — чистое Я, чистая абстракция в законе — посредством карающей вл[асти].

** Отдельный (индивид) отчуждает от себя свое *подразумевавшееся* право; *заповедь* есть закон, который облечен властью.

лицо — такой, какой я есмь *во мне* самом согласно значению — не тому, которое я вкладываю особенным образом, а тому, которое положено *общей волей*. Закон поэтому *принуждает**, то есть в данном случае он выдвигает против моего особенного значения общее, против моего *наличного бытия* мое в себе [бытие] или против моей особенной *самости мою всеобщую* <самость>. Этим принуждением моя честь уже не оскорбляется (образование), так как *принуждение* не содержит моего подчинения, исчезновения моей самости перед другой самостью, а предполагает *мое исчезновение передо мной самим*, *мое исчезновение как особенное передо мной как всеобщим***, и притом это принуждение выступает не как власть, но как власть *закона*, который я признаю, то есть в моем *негативном* значении есть и *позитивное*; я равным образом сохраняюсь в нем. — Он служит и мне на благо. Закон сохраняет меня не только так, как я себя *мыслю* — честь; он сохраняет меня в моем *бытии*. Так как я имею *позитивное значение*, я не сохраняю своего *мнения* в противоположность закону, [я] ничего для себя не [сохраняю].

Однако случайность привходит сюда другим образом. В понятии она была случайностью совершения. Здесь она *αα)* [становится] определением абстрактного закона по его содержанию, вообще многообразного, в связи с многообразными определениями индивида. Чем проще законы, тем они неопределеннее; чем определеннее, тем разнообразнее, тем дальше идут различия; и конкретный единичный случай все более разлагается благодаря этому и может быть отнесен ко все большему числу законов. Так как всеобщее применяется здесь непосредственно к особенному, так что последнее должно устоять, то возникает дурная бесконечность, и стремление создать совершенное по своей полноте законодательство равносильно намерению, например, указать все цвета. [Поэтому] необходимо непрестанное создание <все новых> законов.

* Над един[ичным] нет абс[олютно] *всеоб[щей]*, а только общая в[оля]...

** Образование [состоит в том], чтобы созерцать себя во всеобщем. Сначала людей должно принуждать как животных.

ββ) Чем более многообразными становятся [законы], тем случайнее становится знание их. Граждане должны знать законы, хотя бы они их и не постигали, то есть не знали в них своей самости. Но не говоря уже о том, что граждане их не знают, их все труднее становится знать судьям, но если даже допустить это, то судьям трудно при каждом случае иметь их наготове. [Таким образом,] нет свода законов, а [в лучшем случае] есть множество взаимопротиворечивых законов, так как никто не знает, что уже установлено или запрещено. γγ) Случайность становится больше, если принять во внимание умение судьи удачно применить законы к данному случаю: *присутствие духа*.

Судопроизводство и ход процесса — это *осуществление права*. Оно есть *надлежащая охрана* осуществления права обеих сторон перед судом, обеспечивающая им средства защиты. *Ход процесса* существен, пожалуй, существеннее даже, чем сам закон. Здесь выступает та же самая противоположность: [если] издержки *процесса* больше, то для того, кому защита права нужна больше всего, тем более невозможно добыть эти средства, чем превосходнее [ход процесса], тем дольше он [продолжается]; короче говоря, со всех сторон [это] большое зло. Возмещение убытков не является совершенно случайным — время*. *Закон должен отступать от своей строгости*, а) поощрять *компромиссы* вместо строгого права, [создавать] *компромиссные комиссии*, которыми очень недовольны юристы, [β] [*накладывать штрафы на стороны, любящие судиться*], и на *крючкотворов-адвокатов* **, γ) [препятствовать] увеличению судебных затрат, особенно в высших инстанциях, и т. д., которые отягощают право. Закон [должен] побуждать самих людей искать путь к праву, но также должен заботиться о том, чтобы тот, кто хочет, мог предаваться разбирательству во всех подробностях. Пытаться найти абсолютное определение в таких временных, конкретных,

* *Время* — перемена, разрушение всех отдельных (индивидов). *Телескоп на известное время*, хирургический инстр[умент] — лекарство...

** *Устранение зла* само есть опять-таки зло...

чувственных вещах и отношениях — задача с самого начала ложная.

Д. *Уголовное* судопроизводство есть насилие закона над жизнью отдельного <индивида>. Закон есть его собственная абсолютная власть над его жизнью — ведь закон является его сущностью как чистая всеобщая воля, то есть как исчезновение его как особенного бытия, жизни. Закон есть также освобождение от преступления и *помилования*. Он является господином как над злом, так и над чистой жизнью. Деяние выступает для него, как будто оно не совершалось. Налично-сущее, как таковое, не имеет для него истины.

Эта власть над всем *наличным бытием*, собственностью и жизнью; а также [над] мыслью, *правом*, добром и злом есть общественность <Gemeinwesen>, живой народ. Закон есть закон живой, он есть совершенная, живая самосознательная жизнь как всеобщая воля, есть *субстанция* всей действительности, знание о себе как всеобщей власти над всем живущим и над всяким определением понятия, над всякой сущностью.

Это а) *всеобщее богатство* и всеобщая необходимость, которая сознается как таковая, которая сознательно постигается как таковая, приносится в жертву этому злу и доводит до всех свое существование, чтобы ее можно было использовать; она приговаривает массы людей к суровой жизни, к отупению в труде и нищете, позволяя другим накапливать богатство и иметь возможность отнимать его у первых. Неравенство богатства допускается при условии выплаты <богатыми> высоких налогов; [это] уменьшает зависть, предотвращает страх перед нуждой и ограблением. Аристократы, которые не платят налогов, находятся в наибольшей опасности — их богатство могут отнять у них силой, ибо оно не примирено в акте пожертвования. [Два момента неразрывно связаны:] власть государства над наличным бытием и пребыванием, необходимость предоставления свободы отдельному <индивиду>, который выкупил это примирением. Правительство расточает их богатство, *не экономит*.

б) В праве оно созерцается как *мысленная сущность*, приобретает уважение. Оно позволяет отдель-

ным <индивидам> заблуждаться, будто они добиваются своих прав, предоставляет им быть сбитыми с толку мнением, что они знают себя как лица, как граждане, как нечто абстрактно всеобщее, *достойное уважения*; *уважение* получает абстрактно всеобщее. При этом оно великодушно поправляет свое право путем компромиссов и здравого смысла, является хозяином и того и этого, [выступая как] абстрактная всеобщность или в наличном бытии.

γ) Наконец, оно есть то, что властвует над жизнью и смертью, страшное для отдельного <индивида>, но оно господствует и над чистым злом. Оно есть божественный дух, который знает как самого себя *абсолютно иное* — зло, которое в мысли, как таковой, есть совершенно иное.

Это его силы, или абстрактные моменты; у него еще нет наличного бытия, в котором они рефлексированы в себя самих. Уголовная юрисдикция* основывается на том, что α) всеобщее есть *субстанция* отдельного <индивида>, β) знаемая и волимая субстанция. Кто отказался от своего права, тот совершил отчуждение себя именно как абстрактно всеобщего, то есть α) позитивно: он значим как нечто живое и как чистая воля по отношению к власти и находится под защитой; β) он отдал себя как живого и как волю во власть государства. Путем отчуждения права я есмь чистая личность, а лишь как таковой я выступаю как закон. Мое подразумеваемое мной наличное бытие есть закон, то есть я целиком зависим от него.

Отдельный <индивид> есть правовое лицо, и судебная власть [есть] движение *отчуждения* его права, его *мыслимой сущности* по отношению к его наличному бытию; [таким образом], он значим как имеющий свою *волю* в своем наличном бытии, и его спокойная особенная воля уважается. Но, отказавшись от *права*, которым он обладает только в своем *мнении*, в пользу всеобщего, он тем самым становится *значим как чистое лицо*; а поскольку он отделяет себя от всеобщего как чистое лицо, как чистая воля, он выступает как зло,

* В себе месть справедлива.

выступает в гражданской тяжбе не как чистая воля, а как *существующее лишь в его мнении* право против всеобщего, или как право против особенности другого индивида; обман (*dolus*) заполняет его волю, но обращается к его знанию.

Благодаря тому что отдельный <индивид> поступился своим *существующим лишь в его мнении* правом, он выступает как *чистое* бытие в признанности. Он значим, как таковой; подобно тому как раньше его воля в виде общей воли имела силу над определенными вещами, так теперь значима его чистая воля, как таковая. Это чистое бытие в признанности содержит в себе непосредственно две стороны — чистое бытие в признанности и чистое бытие. а) Как чистое бытие в признанности, как воля он α) противостоит насилию [как] чуждой воле, которая *не* является общей. Он защищен от насилия над его собственностью, деятельностью и его жизнью вообще. Его жизнь есть непосредственно его чистая воля. β) Как чистая воля индивид есть абстракция чистого бытия, или он не является уже *мнением* о своем праве, то есть он *наличен только* благодаря его мнению. Но он уже не это; он есть нечто безжизненное, то есть закон имеет полную власть над его жизнью. Он, *его* жизнь, стоит против всеобщего, в котором он есть чистая *абстракция*, и это его сущность, признанная им. Он отрекся от своей жизни в пользу всеобщего. Оно — судья над подразумеваемым им правом и над его чистым бытием. Это — абсолютная власть над жизнью. Отдельный <индивид> знает себя *в ней* позитивно. б) Выступая как отдельный <индивид>, но противопоставляясь самому себе, как абсолютная власть для себя самого, он есть для себя абсолютная бесконечная воля и абсолютная власть, то есть снятие другого абсолютного. Он может снять это другое, ибо это — *бытие*, нечто количественное, определяемое через другое, лишенное знания. Он берет его в этом определении и благодаря этому подчинил себе другое против его *воли*, посредством насилия или *хитрости* — *убийство*, преступление; он есть *зло*. с) Закон есть *действительное наказание*, такая субстанция, которая есть переворачивание понятия, так что индивид убил самого себя — ведь

другой *равен* ему, следовательно, он убил себя самого, а не нечто чужое: наказание [выступает] как на[казание], не как месть. Зло обращено против *зла*, как зло: *dolus*, не *вина вообще*. [Это есть] удовлетворение понятия и успокоенный закон; закон осуществляет *право*.

Но это чистое право тоже подвержено случайности; иными словами, как чистое право, оно есть *абстракция*, которая не может держаться абсол[ютно] на самой себе. а) Оно должно защищать волю, как таковую, и оскорбление других, насилие над другим обращать против самого оскорбителя. Но в отдельных [случаях] трудно сказать, где речь идет о насилии, а где — о не-насилии; насилие может начаться уже собственно в договоре. Воление есть определенное воление, у него есть *цель*, оно есть *налично-сущее зло, намерение* (*culpa, dolus*).

[Этот момент] становится для него <воления> предметом, следовательно, отношением знания. Благодаря этому оно вторгается в инобытие, в количественное, в случайное. Предмет его знания может в нем измениться, оказаться скрытым. Связь цели и его деяний, средства, есть [вопрос, подлежащий] обсуждению. Индивид может [думать], что он в состоянии достигнуть своей цели таким способом, которым он ее <в действительности> разрушает; при этом над ним не совершено собственно насилия — он чрезмерно повредил себе знанием и волей в договоре, и закон, для которого значимо лишь общее волеизъявление, должен здесь взять под защиту собственную цель <индивида>, внутреннее значение, против чрезмерного вреда, особую волю против *общей* воли, которая объявлена существенной. Здесь все неопределенно, <нужно> выявить, где, собственно, начинается обман, который должен быть наказан как насилие. б) Воровство, грабеж суть именно такие смешения; они касаются особенного наличного бытия, в первом случае *оскорбляют* волю, но без знания, а во втором оскорбляют волю и знание. Но они оскорбляют здесь не *абсолютную* волю, а волю, <направленную> на нечто *определенное*, то есть оскорбляют ее в особенном наличном бытии, не как чистое *бытие*, не как жизнь, и поэтому противодействие тоже не может быть абсолютным, смертью [; оно распространяется

лишь] на *свободу* оскорбившего (например, порка), [на его] особенное бытие. Но общественная безопасность слишком компрометируется, то есть чистая воля здесь тоже оскорблена. *Вор, разбойник* оскорбляет в воле *чистую волю*, хотя и в особенном наличном бытии, но воля есть лишь как чистая воля; он может быть осужден, следовательно, и на смертную казнь. Но при этом играет роль (случайные обстоятельства) *степень* преступления — многое такое, чего нельзя точно определить. γ) По существу злом [является] только подлинное убийство, которое *вменяется в вину*, в отличие от *случайного умерщвления*; но даже там с трудом можно установить умысел. Необходимо, чтобы он бежал из *наличного бытия* *обратно в ночь внутреннего*, нужно *признание* преступника, поскольку невозможно доверять <умо>заключению от внешних обстоятельств к *внутреннему*. Это внутреннее должно высказаться о себе, оно свободно от всех обстоятельств. Закон должен знать, что невозможно преодолеть *упрямство*, нежелающее дать этого высказывания. δ) *Зло* есть в себе ничтожное, *чистое знание* о себе самом, затмение *человека* в нем самом, именно поэтому оно есть абсолютная воля, а не нечто чуждое закону. [Последний должен] познать его как себя самого, простить его или в качестве деяния считать несодеянным, так как именно это единичное деяние есть капля, которая не затрагивает всеобщего, поглощена им <всеобщим>. [Закон есть] *дух* и обращается с людьми как дух. Убийство, что оно причиняет целому?

III. КОНСТИТУЦИЯ

Государство как богатство есть бытие в снятости как разобщенного наличного бытия, так и в-себе-бытия в наличном бытии и чистого *в-себе-бытия* лица. Человек имеет свое наличное бытие, бытие и мышление только в законе. Закон знает себя как абсолютную власть <Gewalt>, которая есть также богатство; когда [она] приносит [его] в жертву всеобщему, она также защищает право, как справедливость и соглашение,

защищает также жизнь и карает смертью, а равно прощает зло и дарует жизнь потерявшему право на нее. Таким образом, этот дух везде есть абсолютная сила, которая живет в самой себе и теперь [должна] лишь созерцать его самость, как таковую, или сделать *самое себя целью*. Как сила, это лишь отдельный <индивид>, цель или абстрактное отдельного <индивида>. Но его самосохранение есть *организация* его жизни, дух народа, который имеет в виду самого себя. Его понятие [есть] всеобщность в совершенной свободе и самостоятельности отдельных <индивидов>.

Дух есть *природа* индивидов, их непосредственная субстанция и их движение и необходимость. Он есть их *личное сознание* в наличном бытии, так же как их чистое сознание есть их жизнь, их действительность. *Они знают* всеобщую волю а) как их особенную волю, знают, что она есть их отчужденная особенная воля; они знают также ее как свою предметную сущность, свою чистую власть, которая *в себе* есть их сущность, как и *в их знании*. В движении насилий нужно различать три момента: а) самое насилие как ставшее через отчуждение, б) как знание отдельных <индивидов> и γ) как всеобщее знание. Становление власти насилий есть отчуждение, но не отчуждение необходимости; насилие всеобщего *сознается* как сущность. Ради этого знания каждый отчуждает самого себя, отчуждает не в пользу какого-то господина, а в пользу насилия в форме его чистого знания, то есть самого себя как отчужденного или как всеобщего. Всеобщая *форма* есть это становление отдельного <индивида> всеобщим и становление всеобщего; но это необходимость не слепая, а опосредованная знанием, иными словами, каждый при этом является целью самого себя, то есть цель уже есть движущее. Каждый отдельный <индивид> есть непосредственно причина самого себя; его интерес *гонит* его, но и всеобщее тоже есть значимое для него, середина [средний термин], который смыкает его с его особенным и его действительностью *.

* Это — образование вообще: отчуждение своей непосредственной самости.

То, что я имею мою *позитивную* самость в воле, есть бытие в признанности как интеллект, как нечто такое, о чем я знаю, что оно положено мной, — что моя самость выступает в ней *негативно* как моя власть, как всеобщее, которое есть мое негативное, — <и я убеждаюсь в этом> путем созерцания его *необходимости или путем отчуждения*. Всеобщее со своей стороны представляется также: одно <отчуждение> есть моя необходимость; другое (необходимость всеобщего) — жертвует самим собой, чтобы я вернулся к своему; здесь я обретаю сознание как сознание *меня самого*. *Право* было *непосредственным* понятием духа, насилием, *необходимостью* его движения, *отчуждением*, становлением иным. Возвращение в самого себя [происходит] в *помиловании*. Всякое действительное деяние есть *действительное как налично-сущее для самого себя*; зло [есть] *внутреннее действительное, абсолютная достоверность самого себя, чистая ночь для-себя-бытия, абсолютное знание*, которое совершенно свободно от *всякого наличного бытия*; *реальный дух* [есть] *непосредственное инобытие* — всеобщая власть. (Всеобщее, защищая мою жизнь и властвуя над моей жизнью, есть *непосредственное* единство чистой воли и наличного бытия, чистого сознания и меня самого. Относясь к нему как к этому непосредственному единству, я имею к нему *доверие* — к нему лишь как к моей негативной сущности, я *полон страха* [перед ним — в отношении] к нему, это непосредственно *моя воля*, не только совпадающая с ним, а выступающая в качестве моей

а) Труд вообще, налоги, б) *мнение, абстракция* его конкретности — абстрагирование от себя как всеобщего — грубость, обида — в) знание себя как чистой самости, как снятой жизни.

а) Отчуждение *особенной самости* (индивида) — он полагает самость на *сторону всеобщего*. Всеобщее — это книга, мертвая буква; его жизнь, воля есть самость индивидов. Они суть его (всеобщего) *сила*; они все ему помогают; всеобщее может рассчитывать на внешнее содействие всех.

б) Всеобщему принадлежит также их *чистое знание*. Они знают его как свою *сущность* (как свою природу, свои *нравы*) — *власть, сущность*.

в) Их *особенная самость*. Их сохраняют — и *благо*; всеоб[щее]...

действительной самости; я — *правитель*. Всеобщее есть *господин*, общественное насилие и правитель, по этим трем сторонам в отношении меня.)

[а] Это всеобщее есть народ, множество индивидов вообще, налично-сущее целое, всеобщая сила. Оно является для отдельного <индивида> непреодолимой силой, и та *необходимость, угнетающая власть и сила, которую каждый имеет согласно своему бытию в признанности*, есть сила и власть народа. Но эта сила действительна лишь поскольку она *связана воедино, лишь как воля**. Всеобщая воля есть воля всех и каждого, но как воля она есть лишь самость, делание всеобщего есть *единое*: всеобщая воля должна собрать себя в это единое. Она должна *сначала конституироваться из воли отдельных* <индивидов> как всеобщая, так что всеобщая воля кажется принципом и стихией, но, наоборот, она есть *первое и сущность***; и отдельные <индивиды> должны делать себя всеобщим путем *отрицания* самих себя, [путем] отчуждения и образования. Всеобщая воля предшествует им, она *абсолютно налична* для них: они отнюдь не *непосредственно* суть всеобщая воля***. Конституирование всеобщей воли представляют себе так, *будто сходятся все граждане, совещаются, голосуют и большинство составляет всеобщую волю*. Таким образом, утверждается именно то, что, как было сказано, отдельный <индивид> должен сделать себя всеобщим через отрицание, через самоотречение. [Полагают], что общежитие, государственный союз основан на первоначальном договоре, с которым предполагается *молчаливое*, но, впрочем, явно выраженное *согласие* каждого индивида, и это должно быть *по отношению к каждому последующему действию* общества. И это

* Понятие конституции, ее всеобщая сущность, а) его знание о себе, как предмете, как чуждой власти — отдельный <индивид>.

Свобода духа от единичности вообще, и высшая свобода от определенного [?] наличного бытия.

** Арист[отель:] целое по природе первичное <eher> частей.

*** Предположено, что должно стать; они объединяются ради всеобщности — цель. Они хотели ее, ибо она есть в себе. <Умо>заключение как в понятии воли.

якобы есть принцип *истинного, свободного государства*. Таким образом, множество *действительных* <индивидов> представляются здесь конституирующими общество; предполагается, будто вначале его еще нет; или, например, что революция разрушила прежнюю конституцию. Здесь индивиды выступают как *действительные единичные*, каждый из которых хочет [утвердить] свою позитивную волю во всеобщем знании; но их позитивная единичность, так как она еще не отчуждена или не имеет отрицательности в себе самой, есть случайность для всеобщего, и всеобщее действительно иное, чем она. Нет никакой необходимости в том, что все хотят одного и того же, никакой обязательности в том, что меньшинство подчиняется большинству, а каждый, поскольку он признан, положен как единичная позитивная воля, имеет право уклониться и прийти к соглашению с другими о чем-либо другом. Но предполагается также, что индивиды суть в себе всеобщая воля. Это *в-себе* есть нечто иное, чем их действительная <воля>, и они свое *в-себе* еще не отчуждали, не признали всеобщую волю, а лишь единичность значима в ней. Но она есть свое *в-себе*, она налична *. Она есть *их* в-себе, то есть их *внешняя сила*, принуждающая их. Так, все государства были основаны благодаря возвышенной силе великих людей, а не благодаря физической силе, ибо много людей физически сильнее одного. Но великий человек имеет в своем облике нечто такое, благодаря чему другие хотят называть его своим господином: они повинуются ему вопреки собственной воле; вопреки их собственной воле его воля есть их воля. Их *непосредственная* чистая воля есть его воля; но их сознательная воля — иная. Великий человек имеет первую на своей стороне, и они *должны*, даже если и не хотят. Преимущество великого человека состоит в том, чтобы знать и выражать абсолютную волю. Все собираются под его знамя; он их бог. Так, Тезей основал Афинское государство; так, во Французской революции ужасную силу получило <в свои руки> государство,

* Сначала *необразованная* — момент непосредственности вообще...

целое вообще. Эта сила — не деспотизм, *но тирания* — чистое страшное господство; но оно *необходимо и справедливо*, коль скоро оно *конституирует и сохраняет* государство как этот *действительный индивид*. Это государство есть простой абсолютный дух, который знает самого себя и для которого не имеет силы ничто, кроме него самого, — не имеет силы понятие о хорошем и дурном, позорном и подлом, о коварстве и обмане; он выше всего этого, ибо зло примирено в нем с самим собой. В этом высоком духе написан «Государь» Макиавелли, согласно которому при конституировании государства то, что называется убийством, коварством, бесчеловечностью и т. д., не имеет значения зла, а имеет значение примиренного с самим собой. Его сочинение принимали даже за иронию, но из его предисловия и заключения видно, как глубоко чувствует он бедствия своего отечества, какое воодушевление патриотизма лежит в основе его холодного рассудительного учения! Его отечество [было] растоптано чужестранцами, опустошено, лишено самостоятельности; каждый дворянин, [каждый] предводитель, [каждый] город утверждал свою суверенность. Единственным средством основать государство было уничтожение этих суверенитетов; причем, так как они именно как непосредственные единичные «образования» хотели быть суверенными, то средством против грубости была лишь смерть зачинщиков и страх смерти остальных. Немцы * больше всего ненавидели это учение, и *макиавеллизм* (с их точки зрения) выражает самое злое, потому что они болеют именно этой болезнью и от нее умерли. Но безразличие подданных по отношению к своим государям и безразличие последних по отношению к тому, чтобы быть государями, то есть вести себя как государи, делает такую тиранию излишней, так как благодаря этому своеобразие князей стало бессильным.

* Результат северного своеправия немцев; так как они не могли выносить тирании, они исчезли *как народ*. [Они] были лишь нацией и внесли в мир принцип абсолютной единичности. *Наличие бытия* мысли на юге [в рамках] христианской религии.

Так, по отношению к отдельным <индивидам>, которые хотят утвердить свою непосредственную *позитивную волю* в качестве *абсолютной*, всеобщее есть войско, тиран, чистое насилие, ибо оно есть чуждое для них, и государственная власть, которая знает, что она есть, должна иметь мужество в каждом необходимом случае, где компрометируется существование целого, действовать совершенно тиранически.

Благодаря тирании произошло непосредственное отчуждение действительно единичной воли — она научилась *повиновению* *. Благодаря тому что единичная воля научилась повиновению, она знает всеобщее лучше, чем действительные воли, — поэтому тирания стала излишней и наступило господство закона. Насилие, которое осуществляет тиран, есть *в себе* власть закона; благодаря *повиновению* это уже не *чужое* насилие, а осознанная всеобщая воля **. Тирания свергается народами, ибо она отвратительна, подла и т. д., но в действительности лишь потому, что она излишня. *Память о тиране презируют*; он выступает в памяти <народа> именно как знающий себя дух, который, как бог, действует лишь в себе и для себя и заранее готов встретить лишь неблагодарность своего народа. Будь он мудрым, он сам бы отменил свою тиранию, поскольку она излишня; но поскольку он не делает этого, его божественность является лишь божественностью животного, слепой необходимостью, которая заслуживает ненависти именно [как] зло. Робеспьер поступил в этом случае именно так. Его сила оставила его, ибо *его оставила необходимость*, и потому он был насильственно свергнут. Необходимое совершается, но каждая часть необходимости распределяется обычно между отдельными <индивидами>. Один — обвинитель и защитник, другой — судья, третий — палач; но все необходимы ***.

Господство закона не есть теперь такое установление законов, как если бы их не было налицо; напротив,

* Снятое непосредственное это...

** <Индивиды> сами [суть это] — они усвоили это себе, лезть покоряет то, чему она льстит. Пренебрежение есть овладение тем, чем пренебрегают.

*** Страх исчез в повиновении.

они *наличны*, и это отношение есть движение научившихся повиновению по отношению к обществу*. В основе лежит эта *наличная* сущность. Второй момент — *доверие*, которое наступает, то есть отдельный <индивид> знает во всеобщем *свою самость, как свою сущность*, находит себя *сохраненным* в нем**, хотя не постигает и не признает того, как он в нем сохраняется, благодаря каким связям и учреждениям. Всеобщее тем самым имеет непосредственно негативное и позитивное значение одновременно, первое через тиранию, второе — в сохранении отдельного <индивида> или [через] отчуждение всеобщего.

Это единство *индивидуальности и всеобщего* *налично* теперь двояким образом***: [в] крайнем <термине> *всеобщего, которое само есть индивидуальность*, [как] *правительство*; [оно] не [есть] абстракт государства, [а] *индивидуальность*, которая имеет целью всеобщее, как таковое; другой ее крайний <термин> имеет целью *единичное*. Обе индивидуальности тождественны. Один и тот же <человек> заботится о себе и своей семье, работает, заключает договоры и т. д., и он же работает для всеобщего, имеет последнее своей *целью*. Согласно первой стороне, он называется *bourgeois*, согласно второй — *citoyen*****. *Всеобщей* воле подчиняются как большинству, и она *конституируется* благодаря определенным высказываниям и голосам отдельных <индивидов>. Подчиняются также и те, кто не согласен с мнением большинства, хотя такое-то мероприятие или закон противны их убеждению. Им разрешается *протестовать*, то есть оставлять за собой свое убеждение, определенно заявить, что хотя они повинуются большинству, но не разделяют при этом убеждение большинства. Это упорство в убеждении, упрямство

* [Законы] как *в-себе-сущие*: вечные законы богов — даны ли они Солоном (или нет) — суть *в себе*; сущность мышления и бытия — *нет самим-себе-данных законов*, они не имеют больше облика единичной воли, но своей собственной.

** Форма непосредственного единства.

*** Живое единство — *старая нравственность*.

**** Мещанин и гражданин, один столь же формальный мещанин, как и другой.

абстрактного воления, пустого права без реализации, без владения особенно характерно для немцев. В этой *демократии* воля отдельного <индивида> еще случайна а) как мнение вообще; он должен отречься от нее, уступив большинству; б) как действительная воля, как самость или делание воля сама единична, и ей должен подчиняться каждый. Исполнение полагает лишенное воли действительное повиновение или отказывается от своего мнения о выполнении. γ) Постановления, законы учитывают здесь лишь особенные обстоятельства; усмотрение их связи со всеобщим есть усмотрение всех, но из-за их особенностей само это усмотрение случайно. Обществу следует *выбирать чиновников, полководцев*; этот выбор есть *доверие* к ним, которое, однако, оправдывает успех; обстоятельства всегда различны.

Это прекрасная, счастливая свобода греков, которой столь завидовали и завидуют. Народ распадается на граждан и в то же время выступает как *один* индивид, правительство. Он взаимодействует лишь с самим собой. Одна и та же *воля есть и единичная, и всеобщая*. Отчуждение единичности воли есть ее непосредственное сохранение. Но необходима более высокая ступень абстракции, более развитая противоположность и образование, *более глубокий дух*. Это царство нравственности; каждый есть *нрав, непосредственно* единый со всеобщим. Здесь не имеет места протест; каждый знает себя *непосредственно* как всеобщее, то есть отрекается от своей особенности, не сознавая ее, как таковую, как *эту* самость, как сущность. Высшим раздвоением является, следовательно, то, что каждый полностью *возвращается в себя**, знает свою *самость, как таковую*, в качестве сущности, упрямо стремится, отделившись от налично-сущего всеобщего, быть все же *абсолютным, непосредственно владеть в своем своим абсолютным*. Он как отдельный <индивид> отпускает от себя всеобщее; он имеет в себе полную самостоятельность**, он

* Его самость не в законе, обычае; или сущность закон...

** *Зло*, ушедшая в себя и именно поэтому совершенно отчужденная [единичность] — [самость], отказавшаяся от своего наличного бытия, знает другой мир, а не свой собственный.

отказывается от своей действительности, значим для себя только в своем знании.

б) *Свободное всеобщее* есть точка индивидуальности; будучи свободной от знания всех, индивидуальность не конституируется всеми как крайний <термин>, каким является правительство, она, следовательно, непосредственна, естественна: *наследственный монарх*. Он прочно, непосредственно связывает целое воедино. Духовные узы — общественное мнение, этот истинный законодательный корпус; национальное собрание (*всеобщее образование*), всеобщее волеизъявление, коллегии для улучшения законов — это *тщетное мудрствование*. Монарх живет, исполняя все приказания. Правительственные чиновники действуют в этом духе. Теперь в государствах, конституция которых еще прежняя, управляют и живут по-иному — и последняя со временем мало-помалу меняется; правительство не должно становиться на сторону прошлого и упорно защищать его, но в то же время оно должно в последнюю очередь принимать новые убеждения и вводить изменения. Действительное *делание*, действительная воля [выражается] путем выбора чиновников. Любая сфера — город, цех [действительна] в управлении своими особыми делами. Народ плох, если плохо правительство, столь же плох, как и неразумен. Целое, однако, есть середина <средний термин>, свободный дух, который сам свободен от этих совершенно утвержденных крайних <терминов>, целое независимо от знания индивидов и от характера их правителя; он есть *узел пустой*.

Это более высокий принцип нового времени, которого не знали древние, Платон. В древности нравы определяла прекрасная публичная жизнь, прекрасное [как] непосредственное единство всеобщего и единичного, произведение искусства, в котором ни одна часть не обособляется от целого, а последнее выступает как

В действительности вообще обнаруживается лишь само это отчуждение.

Этой абсолютной всеобщности противостоит также непосредственность бытия.

Общественное мнение — индивид так же разумен, как его государство.

гениальное единство знающей себя самости и ее избрания. Но у древних единичность не знала самое себя как нечто абсолютное, не было абсолютного в-себе-бытия. В платоновской республике, как и в Лакедемонском государстве, исчезает знающая самое себя индивидуальность*. Благодаря утверждению этого принципа утрачена внешне действительная свобода индивидов в их непосредственном наличном бытии, но сохранена их внутренняя свобода, свобода мысли. Дух очищен от непосредственного наличного бытия. Он вступил в свою чистую стихию *знания* и безразличен по отношению к налично-сущей единичности. Здесь он *начинает быть* в качестве знания; это его формальное существование как знания-самого-себя. Он есть та юридическая сущность, которая есть в себе, но свое наличное бытие имеет в самости всех.

Согласно этому принципу, а) множество индивидов, народная масса противостоит *одному* индивиду, монарху; первая выступает как множество, движение, текучесть, последний — как непосредственное, *природное*. Только здесь есть *природное*, то есть *сюда природа скрылась*; это последний остаток ее как чего-то позитивного. Для этого *от рождения* предназначена *непосредственная* воля или великая *индивидуальность*, энергия воления, *абсолютная решимость*, в-себе воли: «Мы приказываем». Княжеская семья есть единственная позитивная, другие можно оставлять. Другой *индивид значим лишь как отчужденный*, образованный, *как то, чем он себя сделал*. Все общежитие столь же мало связано с одним, как и с другим; оно есть само себя несущее, неразрушимое тело. Князь может быть каким угодно, граждане — какими угодно: общество

* Платон не выдвинул идеал, а постиг государство своего времени в его внутреннем <существе>. Но это государство ушло в прошлое — платоновская республика не осуществима, так как она лишена принципа абсолютной единичности. Действительное выглядит, конечно, далеко не так, как идеал, ибо наблюдатель держится непосредственного — необходимого. Государство должно быть в состоянии перенести разврат, падение, распутство, порочность отдельных <индивидов>, государство есть *хитрость*.

закончено в себе и сохраняет себя*. β) Подобно тому как каждый отдельный <индивид> свободен в своем знании, в своем настроении и отличается от всех остальных, так же свободны власти, отдельные стороны целого, его абстрактные моменты. Труд, производство, правопорядок, управление и армия — каждый из этих моментов образуется в полном соответствии со своим односторонним принципом. Органическое целое имеет совершенное нутро, которое образуется в своей абстракции. Не каждый отдельный <индивид> фабрикант, крестьянин, ремесленник, солдат, судья и т. д., а он делится на таковых; каждый выступает в качестве абстракции, и только в своем мышлении выступает для себя как целое**.

Нужно, далее, развить три момента: во-первых, рассмотреть части целого, внешнюю твердую организацию и ее нутро, силы, каковы они сами по себе, затем *умонастроение* каждого сословия, его самосознание, его *бытие* как знающего себя в себе самом: непосредственный отрыв от наличного бытия, знание духа о своей части, как таковой, и *возвышение* над ней; первое — нравственность, второе — моральность. В-третьих — религия. Первое есть свободно предоставленная самой себе духовная природа; второе есть ее *знание* о себе самой как о знании; третий — дух, знающий себя как абсолютный дух, религия.

* *Не искусственность законодательного и т. п. насилия — самость — вот что является высшим.*

Насилие свободно предоставляется своей судьбе, необходимости.

Хитрость состоит в том, чтобы предоставить отдельному <индивиду> действовать, *заботиться о самом себе*, — стекается во всеобщ[щее] — высшее рефлексированное в себе <бытие> духа.

Гарантия против произвола; всеобщая конституция сословий — не только сословное собрание; всеобщий разум — течучесть своего единичного. *Разум* народа умен настолько, насколько <разумны> его учреждения.

** *Организация духа:* а) *долг*, б) моральность. Каждый <индивид> поднимается над собой благодаря своему сословию. а) Природа или *состояние единичности*, β) всеобщ[щее] *состояние*, цель — всеобщее, *купец*, ученый, *солдат* и *правительство*, γ) религия, философия — *сущий дух*.

Именно сословие и сословный дух, этот определенный дух совершает свое образование от примитивного доверия и труда к знанию абсолютного духа о самом себе. Сначала он есть *жизнь* народа вообще. От этого ему надлежит освободиться.

а) Его сознание — в особенном: три первые сословия, б) его предметом становится всеобщее в торговом сословии.

А. СОСЛОВИЯ, ИЛИ ПРИРОДА ДУХА, РАСЧЛЕНЯЮЩЕГОСЯ В СЕБЕ САМОМ *

Дух, знающий всякую действительность и сущность как самого себя, созерцает себя, есть для себя *предмет*; иначе говоря, он есть для себя налично-сущий организм. Он образует свое сознание **. Только теперь он есть истинный дух в себе. В каждом сословии у него свой определенный труд, знание о своем наличном бытии, делание в сфере этого бытия и особенное понятие, знание о сущности. Оба момента должны выступить отчасти разделенными, отчасти объединенными. Доверие есть первое; раздвоение его в абстракцию права есть второе, а абсолютное недоверие есть третье (или абсолютная значимость вещи, денег, представителя, всеобщего). Тем самым [появляется] предмет, который в себе есть всеобщее: государство есть цель — знание долга: моральность; но это всеобщее — в его особенных отраслях: торговое сословие; затем всеобщее как всеобщее: ученый; наконец, военное сословие, отрицаемый действительный индивид: опасность смерти. Для ученого самым существенным является тщеславие его самости. Такова абсолютная *индивидуальность народа*.

1. Низшие сословия и умонастроения

а) Сословием непосредственного доверия и грубого конкретного труда [является] *крестьянское сословие*. Абсолютное доверие есть основа и стихия государства;

* Низшие сословия, или сословия, имеющие свой предмет и свое сознание в особенном.

** Сознание есть его материал, из которого он создает свое наличное бытие.

но в образованном государстве оно сосредоточивается в одном *сословии*, в первоначальном исходном пункте и всеобщей стихии, которая сохраняется во всех остальных, но принимает в них более сознательную форму. Крестьянское сословие есть, следовательно, лишенное индивидуальности доверие, *которое имеет свою индивидуальность в бессознательном индивиде*, в земле. Как трудящийся, он *«крестьянин»* не есть трудящийся в абстрактной форме, а заботится о большей части или о целокупности своих потребностей; связь его продукта с его деланием тоже лишь внутренняя. Его цель и осуществление связаны в бессознательном, природе; он пашет, сеет, но удача зависит от бога, от времен года, и он лишь доверчиво ждет, что само собой созреет то, что он посеял. Деятельность его нечто подземное. Он платит налоги и оброк, потому что именно *так заведено*: эти поля, дома обложены налогом испокон веков; *так заведено*, и точка. [Это] старые права; и если его облагают новыми налогами, то он не понимает почему, но рассматривает это как индивидуальное господство, считая, что важным господам много нужно, что вообще государству это, очевидно, нужно. Но непосредственно он не усматривает этого, а видит [лишь то], что с него тянут деньги; что купцы тоже должны жить и что важный господин, князь — это важный господин, князь. Таким образом, право он предпочитает принимать скорее как приказ и требует не понимания существа дела, а распоряжения, — ему нужно, чтобы ему сказали, что он [должен] делать, что именно ему приказано. [Ему нужен] грубый толчок, чтобы заметить, что здесь действует принуждение; оно должно выступить в этой форме. Он со своей стороны обнаруживает затем также свой крестьянский рассудок, показывает, что не так уж глуп, говорит что придет на ум, этакую максиму, и относительно принуждения замечает, что тут не нуждаются-де в его грубом окрике, он и так делает что положено, и, таким образом, оставляя за собой право своего рассудка и своей воли, он повинуетя. Это формализм речи и усмотрения. Этот формализм знания переходит в абстрактное знание, как конкретный труд в абстрактный.

Конкретный труд является первоначальным, он есть субстанциальное сохранение, грубая основа целого, как и доверие. Во время войны это сословие составляет грубую массу — грубое слепое животное, которое в своей тупости довольно собой, если же ему не обеспечивается его право, то оно рефлектирует в свою единичность и становится коварным, а когда вырывается наружу, то неистовствует, как слепая безумная стихия, подобно наводнению, которое лишь разрушает, в лучшем случае лишь отлагая оплодотворяющий ил, но растекается, не создав никакого дела *.

б) Эта субстанциальность переходит в абстракцию труда и знания о всеобщем: сословие *ремесла* и *права*. Труд *городского* сословия есть абстрактный труд отдельного ремесла, его *умонастроение* есть *порядочность*. Он взял на себя труд природы и изъял деятельность формирования из бессознательности. Самость извлечена из ее подземного существования, форма, самость продукта теперь есть человеческая самость. Природное умерло; оно рассматривается лишь как простая пригодность для употребления и обработки.

Доверие есть нечто более близкое, более определенное в сознании. Городское сословие смотрит на сословие, которое кормит его город, на число товарищей по труду: его деятельность и умение есть случайность, возвращенная ему от случайности природы и подобающая ему. Он знает себя определенно, как собственника, и не только потому, что он владеет, а потому, что это его право, он это утверждает; он знает себя как признанного в своей особенности и на все накладывает ее печать. В отличие от крестьянина, который в своей грубости наслаждается стаканом пива или вина, чтобы подняться ко всеобщей тупости, а также отчасти в болтовне дать удовлетворение своему рассудку, представитель городского сословия сюртуком и нарядом своей жены и детей хочет показать, что он не хуже других и что он преуспевает. Он в этом наслаждается самим собой, своей ценностью и порядочностью; это он

* Ленная система, свобода от земли — это животная свобода, выходящая за пределы растительной жизни.

заработал и всего достиг сам. Ему здесь важно не удовольствие ради удовольствия; сам тот факт, что он получает удовольствие, удовлетворяет его воображение, предметом которого является он сам.

с) Это переживание им в воображении своей ценности, своей всеобщей самости, выступающей в особенной форме, становится непосредственным единством, поскольку значимость и имущество становятся равнозначными. Воображение исчезает, чтобы реализовалось сословие, чтобы его особенность поднялась до всеобщности; значимость имеет уже [не] сословие, как таковое, а реальность имущества, как таковая. Абстракция права и сословия исполнена, и лишь постольку, поскольку исполнено оно этой реальностью: *купеческое сословие*. Труд купца есть чистый обмен, а не природное и не искусственное производство и формирование. Обмен есть движение, нечто духовное, середина <средний термин>, он свободен от употребления и потребности, как и от труда, от непосредственности. Это движение, чистое движение, здесь предмет и делание; предмет сам раздвоен на особенный — предмет торговли и на абстрактное — *деньги*, это великое изобретение. Все потребности совмещены в этом одном. Вещь потребности стала лишь *представляемой*, не для потребления. *Предмет* здесь, следовательно, нечто такое, что значимо лишь согласно его *значению*, уже не *в себе*, то есть [не] для потребности. Это есть нечто исключительно *внутреннее*. Умонастроение купеческого сословия есть, следовательно, это рассудочное понимание единства *сущности и вещи*; у человека столько реальности, сколько у него денег. Воображение исчезло; у значения непосредственное наличное бытие; *сущность* вещи есть сама вещь; *стоимость* — звонкая монета. Здесь налицо формальный принцип разума. (Но деньги, имеющие значение всех потребностей, сами лишь *непосредственная вещь*) — они суть абстракция от всякой особенности, характера, умения отдельного <индивида>. Умонастроение [купца] есть черствость духа, для которой значимо [только] точное *право*, а все особенное, будучи отчужденным, не имеет значения. Пусть погибнет что угодно: семья, благосостояние, жизнь и т. д., но вексель

должен быть оплачен — совершенная бессердечность. Фабрики, мануфактуры основывают свое существование именно на нищете одного класса. Дух, следовательно, стал для себя предметом в своей абстракции как *лишенное самости* внутреннее. Но это внутреннее есть само *Я*, и это *Я* есть само наличное бытие духа. Облик внутреннего не есть мертвая вещь: *деньги*; он равным образом есть *Я*. Иными словами, для духа государство вообще есть предмет его делания и усилий — и цель *.

2. Сословие всеобщности

а) Общественное сословие выступает как непосредственное вмешательство *всеобщего* во всякое единичное, оно представляет собой кровеносные сосуды и нервы, которые пронизывают все, оживляют, поддерживают и возвращают обратно во всеобщее. Оно есть *необходимость* и жизнь излияния особенного во всеобщее, управление и становление общественного богатства, как и исполнение права, а также *полиция*. Сила правительства ** состоит в том, чтобы позволить каждой системе создаваться свободно и независимо согласно своему понятию, как если бы она была изолированной, а мудрость *правительства*, — в том, чтобы модифицировать каждый принцип соответственно сословию, то есть отступать от строгости абстрактного понятия ради их живого нутра, подобно сосудам и нервам, что уступают различным внутренним органам, соотносятся с ними и формируются в зависимости от них. Жестокое, абстрактное установление властей, одинаковое для всех сословий, составляет твердость правительства. Но если, не поступаясь ничем, модифицировать это абстрактное предписание, то благодаря этому у сословий возникает

* а) Доверие и грубая конкретность крестьян. Дух как этот дух снимает себя в абстрактной всеобщности, [β] противоположность права или значимость всеобщего. γ) Купец восстанавливает воображение.

Формальное понятие самости и реальности, наивного непосредственного единства. Я-вещь, их значение — конкретное...

** Субстанция, в которой разрастаются все моменты...

удовлетворенность своим правительством. У крестьянина натуральный налог грубее, взимание оброка и десятины происходит без большой формальности; тут не должно быть сложных формальностей, которые имеют место при взимании пошлины с купеческого товара. Косвенные налоги должны лечь всей своей тяжестью преимущественно на городское и купеческое сословия. Правда, крестьянин благодаря формальностям становится внимательнее и образованнее, но нужно делать скидку на его тупость. Так же дело обстоит и в отношении судебных дел. Для крестьянского сословия нужна более легкая, более грубая юстиция, для бюргера — правовая, подробная, чтобы его право было всесторонне обеспечено, для купца требуется наличие твердого, пунктуального вексельного права. Законы о браке [тоже] видоизменяются согласно характеру сословий. Крестьянство, а также бюргеры легче ладят; подравнявшись, они снова становятся добрыми друзьями, но более глубокое чувство, более злое *〈начало〉* высших сословий уходит в себя, не может ни забыть, ни примириться. Что касается *уголовного* права, то и здесь может иметь место различие, модификация формы наказания. Формальное жесткое равенство есть именно то, [что] не щадит характера. В одном *сословии* оскорбляет глубже или невозместимо то, что в другом не является позорным: *восстановление* [в наказании]. Наказание есть примирение закона с самим собой; если это не смертная казнь, наказание не должно убивать человека граждански *. Кто понес наказание, того нельзя больше упрекать в его преступлении; он восстановлен в своем сословии. Нет ничего абсолютно бесчестящего. Оскорбление чувства, при котором индивид не может более вернуться и оказывается вытолкнутым из своего сословия, лишенным своего характера. Сословие, к которому

* Акт личной мести, естественное состояние — в военном сословии *дуэль* разрешена, ибо оно не является буржуазным, его целью не является приобретение — это сословие чести, живущее в чистом *бытии в признанности мнения*, а не собственности и права.

[Оберегать] честь своего оружия как для государства, так и для самого себя; *полковой священник* не смеет ворчать.

принадлежит преступник, должно сохраняться для него даже в самом наказании. (Высшие сословия [попадают] в крепость, а не в тюрьму, не находятся среди преступников из других сословий.)

Подобно тому как [для разных сословий] нужно особое судопроизводство, для разных сословий нужна была бы также особая наука, религия; к этому наши государства еще не пришли.

Сюда следует также присоединить *полицию* — от слова «Politeia» — общественная жизнь и общественное управление, действие самого целого — теперь они низведены к действиям целого, направленным на обеспечение всякого рода общественной безопасности, осуществляющим контроль над ремеслом в целях избежания обмана. [Благодаря ей] реализуется всеобщее доверие, [например] доверие при обмене товаров. Каждый заботится лишь о себе, не о всеобщем; спокойное осуществление своего права собственности и свободное распоряжение своей собственностью не исключает возможного убытка для других. [Полиция заботится об] ограничении <интересов каждого>, о предотвращении убытков, а также о том, чтобы действовали только по доверию. Полиция [заботится] о прислуге, о заключении с ней контракта; цехи определяют права мастера по отношению к ученикам и подмастерьям (в отношении оплаты и т. п.).

Общественное сословие работает для государства. Дух поднялся до всеобщего предмета [в] сословии *деловых людей*. Но труд таковых сам очень расчленен, абстрактен, это — машинный труд. Хотя он и является непосредственным для всеобщего, но лишь с одной ограниченной и одновременно закрепленной стороны, в которой ничего нельзя изменить *. *Его умонастроение* — в том, что он *исполняет свой долг*. Он поднимает определенное всеобщее к знанию всеобщего; в своем определенном делании он видит *абсолютное* — *моральное убеждение*. Дух возвысился над характером; он делает нечто всеобщее.

* *Бытие в признанности иметь в самих себя*; каждый [обнаруживает] эту моральность, делая, так или иначе, что присуще его сословию.

б) Подлинный человек дела есть отчасти и *ученый*. Он умеет выполнять свой долг; это знание является пустым, всеобщим, то есть в особенном долге значимо лишь всеобщее *. Это чистое знание нужно исполнить, оно должно дать себе содержание в себе самом, свободное содержание, которое одновременно является лишенным интереса предметом, или тем, в чем *Я* имеет мое мышление как долг, но так, что это мое мышление вместе с тем свободно от меня самого. Это *наука* вообще. Дух имеет здесь какой-либо объект, который он рассматривает безотносительно к вожелениям и потребностям. Это *исполненное* мышление, интеллект, который знает самое себя **. Предмет есть *понятие* какой-нибудь определенности вещи, восходящее от ее чувственного вида к ее сущности. Но этот предмет кажется чуждым, это делание рассматривает *мысль*, как такую, отчуждает *самое себя* как интеллект, а не как абсолютную, *действительную самость*. Понятие не становится для себя предметом. Оно поднимает *свое мышление* в сферу всеобщности, уничтожает *произвол* мышления, что в себе необходимо.

Этот недостающий момент возмещается в *военном сословии*; иначе говоря, целое является индивидуальностью. Его усердная деятельность *** для налично-сущего целого, его мышление о последнем возвращаются в самость. Целое есть индивид, народ, обращенный против других <народов>. Восстановление безразличного со-

* Пустое мышление себя — как долг.

** Сложившееся *общественное мнение*, кладезь максим сознания, понятия права и бесправия, понимание; против этого общественного мнения не пойдешь. От него исходят все изменения, и само оно есть лишь *сознательный недостаток прогрессирующего духа*. Что дух усвоил себе, то излишне насаждать с помощью силы. Если убеждение, эта внутренняя необходимость, ослабевает, то его нельзя удерживать никакой силой. Но мудрость правительства в том и состоит, чтобы знать, чего собственно дух уже не хочет. Его язык — *всеобщность*. Так, франц[узская] революция формально уничтожила *привилегированные сословия*; что же касается уничтожения сословного неравенства, то это — *пустой разговор*.

Война, правительство, искусство, религия, философия [направленная] вглубь, — отдельный народ...

*** *Сословие чести*. бытие в признанности мнения.

словия индивидов друг по отношению к другу, *естественное состояние* — лишь здесь оно *реально*. Это отношение есть отчасти спокойное пребывание независимых друг от друга индивидов, суверенность, отчасти связь посредством *договоров*. Но у договоров нет действительности действительного договора, нет его *налично-сущей* власти, а народный индивид есть именно всеобщее как *налично-сущая* власть. Их поэтому нельзя рассматривать как гражданские *договоры*; они не имеют обязательности, как только одна сторона нарушает их *. Это вечный обман — заключать трактаты, брать на себя обязательства и вновь забывать об этих обязательствах. Всеобщий союз народов ради вечного мира был бы господством *одного* народа, или же этот союз был бы только одним народом: индивидуальность их {была бы} стерта: универсальная монархия. *Моральность* не имеет ничего общего с этими отношениями, ибо моральность есть не исполнившееся, лишенное индивидуальности знание долга, как такового. [Конечно, существует] неуверенность, неопределенность, но уверенность [заключается] в абсолютной достоверности самого себя **.

Военное сословие и война являются а) действительным принесением самости в жертву, они ставят индивида пред опасностью смерти, и последний созерцает свою абстрактную непосредственную негативность подобно тому, как он является своей позитивной непосредственной самостью. *Преступление* необходимо <заключено> в понятии права и имеющего силу закона, так что каждый, как вот этот отдельный <индивид>, сам себя делает абсолютной властью, созерцает себя как абсолютно свободного, а для себя и реально по отношению к другому как всеобщую негативность. Это разрешается ему в войне: это преступление *для всеобщего*, ради сохранения целого от врага, который стремится его разрушить. Это отчуждение должно иметь такую

* Пустые мечтания: вечный мир, золотой век, работать для *искусства* и любить друг друга — нормальный народ, евреи...
Воды становятся болотами.

Воды, не движимые ветром, превращаются в болота.

** а) Война — это сила против действительности системы...

б) Мудрость правительства — нарушение принципов...

абстрактную форму, должно быть лишенным индивидуальности, убивают и встречают смерть хладнокровно, не в открытом сражении, где отдельный <индивид> встречается с противником лицом к лицу и убивает его с непосредственной ненавистью, а умирают и убивают *безлично*, в пороховом дыму.

[В.] ПРАВИТЕЛЬСТВО, УВЕРЕННЫЙ В САМОМ СЕБЕ ДУХ ПРИРОДЫ

В этой индивидуальности как абсолютной самости и негативности отдельных <индивидов> правительство венчает целое. а) Как война оно выступает для самого себя как *пребывающее*, потрясающее организацию своих сословий и проникающее собой все сферы системы *права*, личной безопасности и собственности; здесь наглядно видно, что они исчезают во власти всеобщего*. Что в понятии есть переход друг в друга, здесь выступает налицо: их расстройство, порабощение и подчинение чистой власти. Здесь труд и созидание, право собственности и безопасность лица представляют собой не абсолютное пребывание, а, напротив, нанесение им ущерба; здесь уничтожается укоренение отдельного <индивида> в его наличном бытии, распадение целого на атомы у отдельного <индивида>, его абсолютная свобода, и именно это составляет силу правительства**.

Эта непосредственная чистая воля является также самосознательной волей; *правительство* есть это воление, есть то абстрактное всеобщее право и т. д. Оно есть решимость, единичное воление. *Мудрость* правительства должна прежде всего состоять в том, чтобы

* *Полиция.*

** *Хитрость правительства* позволять другим действовать ради *собственной выгоды* — право, рассудок купца знает, что главное в этом мире: польза — превращать эту *пользу* <в свою> и поступать так, чтобы она возвращалась сюда.

а) *Грубость*

β) *Моральность*

γ) *Науки и истина* — *выдумывать* для человеческого рода *спасительные истины*.

модифицировать абстрактные принципы применительно к условиям и в отдельных случаях делать исключения из закона *. Исполнение вообще не есть мертвое делание, а разобщение всеобщего есть именно снятие его и действие, вопреки ему, [в] единичном. Оно является *уверенным в себе духом* **, который свободно поступает по справедливости, действует непосредственно.

Таким образом исполнившаяся свобода: *сословие, определенный характер* как реальность и проникающая ее абстрактная система пребывания отдельных <индивидов> — сферы сил, но также свобода от пребывающего, как такового, и непосредственно сознающий себя дух ***.

С. ИСКУССТВО, РЕЛИГИЯ И НАУКА ****

Абсолютно свободный дух, принявший обратно в себя свои определения, создает теперь другой мир — мир, который имеет *облик* самого духа, где его дело завершено в себе и он достигает созерцания *себя как себя*. В качестве интеллекта сущее имеет облик некоего другого, в качестве воли — облик самого себя. *Бытие в признанности* есть духовная стихия, но оно еще неопределенная в себе и поэтому исполненная разнообразного содержания. Закон, имеющий силу, есть движение этого содержания, или всеобщее, созерцающее

* Хитрость — возвращенность-в-себя.

Правительство, неутомимая деятельность — *дух правительства* как *всеобщее* устроение, — уверенное в себе самом в своей простоте, — давать и брать...

** Уверенный в себе дух, который в себе пришел к покою всеобщности.

*** γ) *Нравственность*, уверенный в себе дух, самодостоверность, [дух], сделавший *сердце* могилой своего сердца, все радости и страдания своего сердца, все грехи и преступления простил себе, как будто их не было. Его д[олг] — прямо, чем было его воображение, — на *состояние* [сословие] на то, что оно *выстояло*, сделало...

Совершенное образование — *опасности смерти*; труд и т. д. — *забвение*, покой в непосредственном *настоящем*, а не огранич[енно] мор[альные] пон[ятия]...

**** *Дух как природа*; его *собственная природа* *спокойное равновесие* — для созерцания...

себя как опосредование. Конституция есть порождение им *содержания* из самого себя; он конституирует *самого себя*, но в форме предмета, он делает *себя* содержанием, и, как правительство, он есть уверенный в себе дух, который знает, что это *его* содержание, он властен над ним, это — *духовное содержание*. Следовательно, он может теперь порождать это содержание как содержание, знающее самого себя.

Таким образом, он есть *непосредственно искусство*, бесконечное знание, непосредственно живое, свое собственное исполнение, принявшее в себя обратно всю нужду природы и внешней необходимости, разъединение знания с самим собой и с истиной. Искусство есть непосредственно *форма*, которой безразлично содержание, которая может воплотиться в любом содержании, сделать созерцаемым любое как бесконечное, которое выявляет свою *внутреннюю жизнь* или свой дух, делает его как дух предметом. Искусство колеблется между обликом и чистым *Я* — и, таким образом, между пластическим и музыкальным искусством. Последнее есть чистое слушание, где складывание [формы] приводит к наличному бытию лишь исчезающее звучание, и мелодия движения движется в сопровождении гармонии, возвращенного в самого себя трезвучия. Это движение, лишенное облика. Танец этого движения сам лишен наглядности, представление его есть представление времени. Другой крайний момент, пластика, есть покоящееся представление божественного. Между нами помещается живопись, пластическое <искусство>, которое включает в себя *цвет*, самостное в форме ощущения, [и] *поэзия*; здесь пластическое искусство как представление образа [относится к] музыкальному, звучание которого, расширенное до языка, имеет в себе известное содержание.

Абсолютным искусством является такое, у которого содержание тождественно форме. Все может быть поднято до искусства; но это совершается чужим воображением. Согласно прозаическому взгляду, содержание уже в качестве *сущего* должно соответствовать форме; последнее есть сам дух. Поэзия, воспевающая *природу* — описание ландшафта и т. д., является наихуд-

шей, потому что ее живописание противоречит облику, в котором она непосредственно выступает. [Таков] современный формализм искусства — поэзия всех вещей, томление ко всем — не внешняя сила. Вещи таковы *в себе*, в божественном созерцании, но это *в себе* есть абстрактное, не тождественное с их наличным бытием. Эта чисто интеллектуальная красота, эта музыка вещей противоположна гомеровски пластическому искусству, ее созерцание нечувственно, а здесь <у Гомера> — чувственное созерцание. Здесь не [преобладает] форма символа, значения; она там лишь отдаленно намечена. А здесь должно выступать само *значение*; но облик утрачен. В этом противоречии искусство вступает в противоречие с самим собой: если оно самостоятельно, оно должно расшириться до аллегории, и тогда оно исчезает как индивидуальность, и значение, сниженное до индивидуальности, остается, таким образом, не выраженным.

Искусство порождает мир как духовный и [предназначенный] для *созерцания*. Оно индийский Вахх — не ясный, знающий себя дух, а дух *вдохновенный*, облакающийся в ощущение и образ, под которым скрыто ужасное. Его стихия — созерцание; но оно есть *непосредственность*, которая не опосредована. Поэтому эта стихия не соответствует духу. Искусство потому может придать своим образам лишь ограниченный дух. Красота есть форма; она есть иллюзия абсолютной жизненности, удовлетворившей самое себя и [считающей, что она] завершена и закончена в себе. Созерцание, этот медиум конечности, не может постигнуть бесконечного. Это только *подразумеваемая* бесконечность. Этот бог в виде статуи, этот мир песни, который обнимает небо и землю, всеобщую сущность в мифической индивидуальной форме и единичную сущность, самосознание, — является *подразумеваемым*, а не *истинным* представлением. Это не необходимость, не облик *мышления* в ней. Красота есть скорее покрывало, скрывающее истину, нежели изображение последней. Иначе говоря, как *форме* жизненности ей не соответствует содержание; оно ограничено. Художник поэтому часто требует, чтобы в сфере искусства отношение было лишь

отношением к форме и абстрагировалось от содержания. Но люди не позволяют отнять у себя это содержание. Они требуют существа, а не просто формы. Знарок — такой созерцатель чистой поэзии и рассудка художника: разумно [ли] последний выбрал мотивы, детали, которые определены целым и в то же время подчеркивают целое, хорошо [ли] распределены партии и т. д.

Искусство в его истине есть скорее *религия*, возвышение мира искусства к единству абсолютного духа. Каждое *единичное* благодаря красоте достигает в религии свободной собственной жизни, но истина единичных духов состоит в том, чтобы быть моментом в движении целого, знанием *абсолютного* духа о себе как абсолютном *духе*. Он сам является *содержанием искусства*, которое есть лишь производство самого себя как в себя рефлексированной самосознательной жизни вообще.

В искусстве выступает а) такая отдельная самость, нечто лишь особенное, художник. Наслаждение других есть нечто лишенное самости, всеобщее созерцание красоты. б) Определенность есть единичное содержание; отсюда его непосредственность как наличного бытия, подобно самости, оторвано от *красоты*, единства, индивидуальности и всеобщности или самости и его наличного бытия. Но в религии дух становится для себя предметом как абсолютно всеобщее, или как сущность всей природы, бытия и делания, и дух есть в *облике* непосредственной самости. Самость есть всеобщее знание и благодаря этому возвращение в себя. Абсолютная религия есть это знание о том, *что бог есть глубина уверенного в самом себе духа*. Поэтому он есть самость всех. Это *сущность*, чистое мышление; но, *отчужденный от этой абстракции*, он есть *действительная самость*. Он есть человек, у которого обыкновенное *пространственное и временное наличное бытие*. И этот *отдельный* <индивид> есть *все* отдельные <индивиды>. *Божественная природа не является иной, чем человеческая природа. Все другие религии несовершенны* — они или [признают] только сущность, страшную силу природы, где самость лишь ничтожна, или это прекрасная

религия, мифическая, игра, недостойная сущности, лишенная основательности и глубины, где глубина — неведомая судьба. Абсолютная же религия — это выступившая на свет дня глубина. Эта глубина есть Я; это — понятие, абсолютная чистая власть.

(В ней, таким образом, дух примирен со своим миром. Дух как налично-сущий является своей организацией и [своим] становлением через сословия: определенный характер и определенный долг. У каждой самости — ограниченная цель и столь же ограниченное делание. Знание о себе как сущности в <сфере> права и долга пусто как чистая сущность и чистое знание, как исполненное есть ограниченное многообразие и непосредственная действительность некоего столь же единичного. Моральность есть возвышение над сословием, <чтобы> своим деланием содействовать собственному успеху и успеху своего сословия, делать что-нибудь ради всеобщего.)

Но выше всех стоит *правительство*, дух, знающий себя как всеобщую сущность и всеобщую действительность, — абсолютная самость; в религии каждый возвышается к этому созерцанию самого себя как всеобщей самости. Его природа, *его сословие, тонет* как сновидение, *как далекий остров, появляющийся на краю горизонта в виде легкого облачка*. Он равен князю. Это знание себя как духа; он столь же значим для бога, как любой другой. Это отчуждение всей его сферы, всего его налично-сущего мира, не такое отчуждение, которое есть лишь форма, образование и содержание которого есть опять-таки чувственное наличное бытие, а *всеобщее* [отчуждение] всей действительности; это отчуждение возвращает ее ей же самой как совершенное.

Однако оба царства — действительность и небо — при этом еще внеположны: дух примирен с собой лишь по ту сторону этого мира, не в своем *настоящем*. Если он в нем удовлетворен, то он еще не возвысился над своим наличным бытием; он должен быть поколеблен в последнем <наличном бытии>, и он поколеблен в нем войной и нуждой и бежит из наличного бытия в мышление. Но это тоска по небу, и равно тоска по земле;

первое — *pis aller* (по меньшей мере). Удовлетворенный религией, он верит, что мировые события и природа примирены с духом и что в мире не царит ни раздор, ни непримиренная, не-самостная необходимость.

Но религия — это представленный дух, самость, которая не соединяет свое чистое сознание с действительным сознанием, у которой содержание первого противостоит содержанию последнего как нечто иное*.

Мысль, внутреннее, идея абсолютной религии — это спекулятивная идея, согласно которой самость, действительное, есть мышление, сущность и бытие тождественны. Это положено так, что теперь бог, *потусторонняя абсолютная сущность*, стал человеком, *действительным* человеком, но что эта действительность сняла себя, стала прошлой, и этот бог, бог действительный и снятый, всеобщая действительность, тождественная народному духу, лишь как непосредственность есть дух общины. *Содержанием* этой религии и предметом этого сознания — а) чистого сознания** — является то, что *бог есть дух*. аа) Эта вечная сущность, сын и дух, [суть] здесь тождественная сущность; здесь нет различия, положено безразличие непосредственного бытия. ββ) Бог, сущность чистого сознания становится для себя другим самого себя, это другое — мир; но это *наличное бытие* есть понятие, *в-себе-бытие*, злое, и природа, непосредственное, должна представляться злой; каждый должен прийти к пониманию своей злой природы, то есть к пониманию того, что природа обра-

* Религия [есть] представление единства знания и истины, или, как дух, абсолютная сущность, не мертвая сущность; а эта жизнь в себе самой — как бог живых...

** а) Истинная религия, поскольку абсолютная сущность является духом, β) откровенная религия без тайны, так как бог есть самость, бог есть человек. б) Филос[офия] природы, которая уходит в себя, становится злой, — понятие, чистая негативность. Однако это в-себе-бытие есть, наоборот, утрата позитивного, своего в себе. Бог принимает облик самости. В себе, эта предпосылка, изображается в своем наличном бытии. Отчуждение, образование абстрактной сущности и есть то, что божественное приносит себя в жертву, ту самую абстрактную сущность. Умирает не этот человек, но божественное; именно благодаря этому он становится человеком.

щается в понятие, а *злое, для-себя-бытие* по отношению к *в-себе-сущей* сущности, напротив, тоже становится *в-себе-сущей* сущностью, то есть *бог выступает* в природе как *действительное* *. Что теперь эта противоположность сама ничтожна, что *злое, для-себя-сущая действительность* не есть в себе, а всеобща — это выявляется именно в самопожертвовании богочеловека.

α) Принесение в жертву божественности, то есть абстрактной потусторонней сущности, уже произошло в ее становлении действительной.

β) Это снятие действительности, становление ее всеобщности, есть всеобщий дух — *непосредственная* самость, *примиренная* природа, воображение божественного во все природное: население <земли> святыми; жития святых, явления [духов], везде *непосредственное присутствие*, новая земля, природное солнце потухло — религиозная боль, *чистое чувство отчуждения*, однако это представление для сознания. Точно так же γ) всеобщность самости в себе самой, то есть община, должна отказаться от своего для-себя-бытия и своей непосредственной природы, или же, что то же, рассматривать ее как зло, и это рассмотрение ее как зла снимается благодаря принятию указанного выше представления. Таково изображение в *культе*, где самость обретает сознание своего единства с сущностью. Вкушает тело и кровь тот, кто ежедневно *жертвует* собой в своей общине и становится этой единичной *самостью*. Самость живет в *молитве*, которая знает в ней самое себя.

Синтетическая связь государства и церкви

Этот всеобщий дух, или дух общины, есть *государство церкви, налично-сущий* действительный дух, ставший как дух для себя предметом, но в качестве представления и веры. Он есть дух общины, но в ее представлении он бежит по ту сторону ее самости, удаляется от нее. То непосредственное знание и это инобытие не объединены. У всего форма представления, потусторонности, все лишено понятия, лишено

* Всякое потустороннее исчезло.

необходимости — происшествие, случай *. Хотя слово и есть вечное предрешение и воля божья, но оно лишь сказано, не постигнуто, не понятие, самость **.

Церковь имеет свою противоположность в государстве, то есть в *налично-сущем* духе. Церковь есть *государство*, возведенное в мысль. Человек живет в двух мирах: в одном он имеет *свою действительность*, которая *исчезает*, свою природность, свое самопожертвование, свою брэнность, в другом — свое абсолютное сохранение, знает себя как абсолютную *сущность* ***.

Знание и воля человека умирают для действительности, чтобы обрести вечное, *недействительную жизнь в мысли, всеобщую самость*. Но это вечное имеет свое *наличное бытие в народном духе*. Это тот *дух*, который есть *только дух*, благодаря этому движению по форме противоположен, а по сущности тождествен *самому себе*. *Правительство, народный дух* знают, что он есть действительный дух, который содержит самого себя и мысль о себе. *Фанатизм церкви — желание учредить на земле вечное, небесное царство, как таковое, утвердить его вопреки действительности государства, сохранять огонь в воде. Действительность царства небесного — именно государство, примирение в мышлении, или сущности, обоих, <опосредованных друг другом> через церковь*. Если они не примирены, то государство и церковь несовершенны. Государство есть дух действительности; то, что в нем обнаруживается, должно соответствовать ему. Оно не может учитывать совесть; последняя относится к внутреннему; из самого действия должно обнаружиться, является ли это действие или его принцип значимым. Церковь есть дух, знающий самого себя как всеобщий, внутренняя *абсолютная достоверность* государства. Отдельный *<индивид>* значим как отдельный *<индивид>* ****. Все внешнее является в себе

* В-себе далеко, примирение в их бытии произошло давно...

** Боль, не мышление, не всеобщее...

*** Он заверен в своем примирении; в молитве нет наслаждения...

**** Они обрабатывают лишь единичное, они не значимы абсолютно.

недостоверным и неустойчивым. В духе он имеет свою совершенную гарантию. То, что человек делает, <исходя> из религии, он делает, <исходя> из своего мышления, поскольку это не просто усмотрение. Отдельный <индивид> [исполнен] всеобщей мыслью, не покидающей его в многообразии единичного, — это долг, я должен отдать этому; *это так*, оправдано в абсолютной сущности, моральность в абсолютной сущности, поскольку последняя является *моим знанием*, там же абсолютная сущность вообще. *Бог — везде*, он есть чистое мышление. Даже если человек остается наедине с самим собой, то и тогда его одиночество, его мышление — при нем.

Религия, как таковая, нуждается в наличном бытии, в непосредственной действительности. Она [есть] *всеобщее* *, поэтому подвластна государству и используется им, служит ему, ибо она есть то лишенное действительности, что имеет *свою самость* в действительном духе, следовательно, выступает как снятое. А напротив, она есть опять же мышление, которое возвышается над своей действительностью, то внутреннее упрямство, которое жертвует своим наличным бытием и готово умереть за свою мысль. Непокоримое, оно умирает за свою мысль; для него чистая *мысль* — это все, оно ставит превыше всего свое внутреннее мышление, как таковое, или *значение* делания, которое в других случаях кажется случайным. Мышление, как таковое, поднялось так высоко, что ради веры радостно шло на смерть. Но государство, которое подчиняется церкви, либо отдано на произвол фанатизма и погублено, либо в нем вводится поповский режим, который требует не отчуждения делания и наличного бытия и определенной мысли, а воли, как таковой, и именно в наличном бытии, как таковом, причем не по отношению ко всеобщему, признанному бытию, а по отношению к *единичной* воле, как таковой.

Небо удаляется от религии в действительном сознании; человек падает на землю и только в воображении, в нем находит религиозное. Или, иначе, это религиозное

* Особенное сословие, определенный характер.

сознание, лишенное самости, в самой религии таково, что она есть лишь представляющий себя дух, то есть его моменты имеют для него форму *непосредственности*, форму *события*, они не поняты, не усмотрены. Хотя содержание религии является *истинным*, но это *истинное* бытие есть заверение без усмотрения.

Такое *усмотрение* есть философия, абсолютная наука, содержание то же, что у религии, но в форме *понятия*. а) Спекулятивная философия: абсолютное бытие, которое становится другим (*отношением*), жизнью и познанием; и знающее знание, дух, знание духа о себе. б) Натурфилософия: выражение идеи в образах непосредственного бытия. Натурфилософия есть уход-в-себя, зло, становление духом, *понятием, существующим как понятие*. Однако этот чистый интеллект есть также нечто противоположное, всеобщее, именно такое, что оно жертвует собой и благодаря этому становится действительным, всеобщей действительностью, то есть народом, восстановленной природой, примиренной сущностью, в которой каждый обретает свое для-себя-бытие путем собственного отчуждения и самопожертвования.

В философии *Я*, как таковое, знание абсолютного духа, есть в понятии в себе самом как *таком-то*, какое есть всеобщее. Здесь это не *другая* природа, не такое единство, которое никогда не есть в *настоящем*, не примирение, наслаждение которым и наличное бытие которого потусторонне и относится к будущему, — напротив, примирение осуществляется *здесь: здесь Я познает* абсолютное. Оно познает, *постигает*; оно не есть другое — *непосредственно*, оно есть *эта* самость. *Я* есть нераздельная связь единичного и всеобщего, единичности как всеобщего *момента* всей природы и всеобщего, всей *существенности* всего мышления. *Непосредственность* духа есть народный дух, или же народный дух как *сущий* абсолютный дух. Религия [есть] мыслящий дух, который, однако, не мыслит самого себя, поэтому он не тождествен с самим собой, не есть непосредственность.

Философское знание есть восстановленная непосредственность. Она сама есть форма опосредования, *понятия*. В качестве непосредственности выступает

знающий себя дух вообще, и он есть сознание, непосредственное, чувственное сознание, которое в форме сущего является для себя иным, раздвоенным на природу и [на] знание о себе. Он есть свое покоящееся художественное творение, сущий универсум и всемирная история. Философия отчуждается от самой себя, приходит к своему началу, к непосредственному сознанию, которое именно раздвоено. Она есть, таким образом, человек вообще, каков человек, таков и мир, и каков мир, таков и человек: один акт создает обоих. Что было до этого времени? *Иное времени*, не другое время, но вечность, идея времени. Тем самым вопрос снят; ибо, ставя этот вопрос, имеют в виду *другое время*. Но тогда вечность сама во времени; она есть предшественность времени, следовательно, сама есть прошедшее: это было, абсолютно бывшее: это не есть. *Время* есть чистое понятие, созерцаемая пустая самость в своем движении, как пространство <самость> в своем покое. Перед, прежде, чем было исполнившееся время, времени совсем нет. Его исполнение есть действительное, возвращенное в себя из пустого времени. Его созерцание самого себя есть время, непредметное. Но когда мы говорим: *до* мира, [мы разумеем]: время без исполнения. Идея времени [есть] именно мыслящее, рефлексированное в-себя. Необходимо выйти за пределы этого времени, любого периода, но в идее времени; первое — дурная бесконечность, которая никогда не достигает того, к чему идет. Это раздвоение есть вечное созидание, то есть созидание понятия духа, эта субстанция понятия, которая несет сама себя и свою противоположность. Универсум, таким образом, непосредственно свободен от духа, но должен возвратиться к нему, или, скорее, ему принадлежит *делание*, это движение; он должен восстановить для себя единство, тоже и в форме непосредственности. Он есть *всемирная история*. В ней снимается то, что природа только в себе, а дух есть *сущность*. Дух становится знанием природы. Человек не станет господином природы, пока он не стал господином самого себя. В природе становление духа в себе. Чтобы это в себе стало *наличным*, дух должен постигнуть самого себя.